
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ДИСКУССИИ «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» В ОЦИФРОВАННОМ ЧЕЛОВЕЙНИКЕ

От редакции: Тема очередной, уже ставшей традиционной для нашего журнала, всероссийской и международной дискуссии, вынесенная выше в заголовок, была объявлена «Колонкой главного редактора» в № 4, 2013 «Приокских зорь». Кроме того, этот текст еще до выхода в печати № 4, 2013 был разослан всем постоянным авторам журнала циркулярным письмом.

Редакция «Приокских зорь» рекомендует читателям перед ознакомлением с материалами настоящей дискуссии «полистать» ранее разосланную нашим постоянным авторам в электронном варианте книгу: Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Струнный квартет, или аналоговое и цифровое мышление.— Москва-Тверь-Тула: ООО «Изд-во «Триада», 2014.—513с. (Книга вышла и в «бумажном» виде, но современная система распространения изданий...)

Итоги дискуссии, также традиционно, будут опубликованы в «ПЗ» № 1/2015 в статье зам. главного редактора Натальи Квасниковой.

В следующем году мы планируем провести всероссийскую и международную дискуссию по теме «Колонки главного редактора» в настоящем номере журнала; название дискуссии: «Лермонтов и истоки русского критического реализма: К 200-летию великого поэта». Как видите, тема дискуссии намного шире содержания названной «Колонки...». О начале дискуссии будет дополнительно объявлено в циркулярном письме, но уже сейчас редакция готова начать прием материалов.

О ГЕРОЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Откликаясь на призыв приобщиться к дискуссии известного ученого и писателя, главного редактора «Приокских зорь» Алексея Афанасьевича Яшина, на тему о «герое нашего времени», да еще в «оцифрованном человечнике».

Прежде чем писать о «герое нашего времени», наверное, надо осмыслить понятие «герой» и «наше время».

«Герой» — это человек, жертвующий собой ради продолжения жизни своего народа, жертвующий своей жизнью ради продолжения жизни другого. Герой — это человек подвига. «Подвиг» — очень русское слово. Совершить «подвиг» — «подвигнуть» себя на свершение какого-то дела, кажущегося невыполнимым в глазах других. Подвиги бывают воинские, но и бывают духовные. Поэтому и герои могут быть как героями мирного времени, героями труда, героями духа, так и героями, проявившими себя на войне. Не случайно в СССР были такие высшие государственные почести и награды соответственно, как «Герой Советского Союза» и «Герой Социалистического Труда», которые имели свои знаки отличия — «Звезду героя» (у Героя Социалистического Труда) был еще символ «Серпа и Молота») и «орден Ленина», который сопровождал награждение «Звездой героя».

Конечно, лермонтовский «Герой нашего времени» — это, во-первых, типичный литературный персонаж, не лишенный своих недостатков, в котором отразились какие-то критические «узлы» в логике развития того исторического времени, в котором живет такой герой, но и который обладает значительным числом положительных качеств, которые и позволяют его назвать «героем». Такими «героями нашего времени» были Чацкий в «Горе от ума» Грибоедова, Евгений Онегин в известном романе Пушкина, Печорин в «Герое нашего времени» Лермонтова.

Понятие «литературный герой» расширило понятие героя, появились и отрицательные герои; иными словами, «герой» в художественном произведении (или «герои»), то ли в романе, то ли в повести или поэме, это действующее лицо (действующие лица), судьба которого (судьба которых) связывает художественное произведение в единое целое и определяет смысл, художественную идею, которые автор — писатель, поэт — хочет донести до читателя.

Поэтому когда А. А. Яшин ставит вопрос о «герое нашего времени», то в этом вопросе, как он его раскрыл, уже представлены два слоя бытия современности, к которым он сознательно или несознательно апеллирует: первый слой — социальный, в котором живут человек и общество, и развитие которого, с учетом его противоречий, несправедливостей, трагедий, ставит вопрос перед человеком в духе вопроса Гамлета «Быть или не быть?», а второй слой — литературно-художественный, отражающий так или иначе первый слой, но по-своему, причем или удачно, или неудачно, в зависимости от проницательности писателя, его художественного таланта, его образованности, философичности, даже научной ангажированности, с одной стороны, и его опыта, погруженности в саму «толщ» этого социального бытия, в саму практику жизни, человеческих трагедий и человеческих подвигов, с другой стороны.

В дальнейшем, чтобы быть правильно понятым я буду использовать слово «герой» в положительном смысле, в смысле человека, способного совершить подвиг ради жизни других, любви, при защите Отечества, в труде, в создании, в воспитании детей и т.д., и т.п., и главное — в смысле человека, готового к самопожертвованию, и «антигерой» — как нечто противоположное, как человек, который любит только «себя любимого», эгоист, как человек алчный, готовый предать любого, переступить ради наживы любой нравственный барьер, предать товарища, родину, семью, супругицу и т.п.

Теперь о «нашем времени», т.е. об исторической эпохе, которую переживает человечество, и, конечно., об «историческом времени», в котором живут Россия, русский народ и другие народы России, в котором совершается плохо или хорошо творчество, созидание, в котором живут русская литература и поэзия, русский язык, русская живопись и русская музыка. Дает ли «наше время» оптимизм человеку, дает ли основания для его прогресса, для возвышения человеческого в человеке, для утверждения добра, любви, духовности, оставляет ли место для подвига? Или нет? И на место личности приходит ли безликий представитель «биомассы человеиника», как пишет А. А. Яшин, который, я добавлю, является продуктом переработки Глобальной Капитал-Мегамашины*, или все ж таки, человек, личность живут, творят, создают, становятся воинами, революционерами, воюют со злом, с нечестностью, с воровством, с несправедливостью, утверждают духовно-нравственную систему, делающую человека человеком, ведут научный поиск не просто ради любопытства, а ради прогресса человечности, гуманизма, ради очеловечивания жизни и через очеловечивание человеческой жизни привнесение добра, красоты, гармонии в Биосферу Земли, в пространство Космоса, с учетом, конечно, законов Гармонии, законов гомеостатических механизмов Биосферы, Земли, Солнечной системы, возможно — Галактики? И, вообще, наступил ли Конец человеку, а на его место придет технизированный, рационализированный «человек-капиталоробот» или «человек-деньги», манипуляционно управляемый мировыми властителями мирового финансового капиталовластия (мировой финансовой капиталократии), одним из «инструментов» которого является так называемое «мировое тайное правительство», МВФ, ВТО, Бильбергерский клуб, ФРС и т.д., и т.п.?

Отвечая на эти непростые вопросы, я опираюсь на свои теоретические достижения и открытия, на свою научную картину мира, которые, хотя и имеют «ноосферный вектор» внутри себя, все ж таки отличаются от представленной логики и картины мира А.А.Яшина, в том числе и А. А. Зиновьева, который создал метафору «человеиника».

Попытаюсь охарактеризовать «наше время» в моем представлении по пунктам, в форме положений, вместе образующих определенную «систему», лежащую в основе моей научной картины мира.

Первое. Эпоха или «наше время», в котором оказалось человечество и, соответственно,— Россия, есть Эпоха Великого Эволюционного Перелома. Она определяется тем, что наступила первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы. Наступили Пределы прежним механизмам цивилизационного развития человечества, в том числе институту частной капиталистической собственности, рынку, системам ценностей, «вращающихся» вокруг прибыли, наживы, частной формы присвоения капитала (богатства). *Задержка капитализма, частной собственности, рынка на Земле блокирует усилия по переходу человечества на «рельсы» устойчивого — ноосферного — развития и ускоряет процессы экологической гибели человечества в XXI веке.* Б. Коммонер еще в 1973 году в работе «Замыкающийся круг» вынес вердикт: технологии на базе частной собственности уничтожают самое главное богатство человечества — экосистемы. За прошедшие 40 лет этот «круг», а вернее — «петля» на системах жизнеобеспечения человечества (в которую входят почва, чистая пресная вода, кислород в атмосфере, леса, планктон в приматериковых водах мирового океана и т.д., и т.п.), еще больше сжались. Конференция ООН в Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию в 1992 году, затем саммиты глав правительств по проблеме устойчивого развития — в 2002 году (в Йоханнесбурге) и в 2012 году (в Рио-де-Жанейро), только продемонстрировали неспособность глав стран мира, из-за разрыва в экономических интересах между развитыми рыночно-капиталистическими страна-

* Субетто А. И. Капиталократия. — СПб.: 2000. — 226с.

ми (метрополия глобального империализма) и странами развивающимися, по сути являющимся мировым колониальным анклавом, решить проблему перехода на стратегию устойчивого развития.

Более того, сложилась Глобальная Интеллектуальная Черная Дыра, возможно — из-за своекорыстной слепоты интеллекта развитых стран, несмотря на то, что там — наиболее мощный научный и информационный потенциалы. Что собой означает это «Дыра»? Она означает, что человечество в своем сознании и сознании политической элиты большинства стран мира не осознает эти процессы уже развивающейся Глобальной Экологической Катастрофы, не осознает, что переход «точки невозврата», когда экологическая гибель человечества станет уже неотвратимой, может произойти уже в 2030 — 2050 гг.

Возник «императив выживаемости» человечества, требующий перехода к «Ноосфере Будущего» в форме управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества, на базе Ноосферного Экологического Духовного Социализма.

Второе. Эпоха Великого Эволюционного Перелома, таким образом, означает, что закончилась Стихийная История человечества, в которой доминирующими были закон конкуренции и механизм отбора. Как бы не случилось, чтобы Конец Стихийной Истории не стал Концом жизни Человечества на Земле? Для этого нужно перейти к новой, Управляемой парадигме Истории, но в новом, более расширенном пространстве, а именно — как Управляемой — социоприродной или ноосферной — эволюции.

Таким образом, императив выживаемости человечества есть ноосферный императив, в центре которого — императив управляемости, причем управляемости не только в социально-экономическом (в узком историческом) формате, что предвидел К.Маркс, связывая его с управляемой, «подлинной историей», которая устанавливается на Земле, и это он и назвал коммунизмом, но и в социоприродном (социобиосферном) формате.

А. А. Яшин пишет якобы об управлении историческим процессом, имеющим место быть, и якобы реализуемым через процесс «глобализации», раскидывание «паутины управления» тайным мировым правительством над всемирным человекоидом. Это «иллюзия управления», потому что оно, такое «управление», игнорирует законы «метафизического коммунизма мироздания» (о нем писал С. Н. Булгаков в «Философии хозяйства» в 1912 году), т.е. законы гомеостатических механизмов Биосферы и Земли, возможно космических систем более высокого ранга как суперорганизмов, обладающих собственной гомеостатикой.

Первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы — это уже приговор рынку и капитализму, стихийной истории, в том числе приговор Анти-Разуму капиталоκραтии, думающему, что «управляет» глобальными процессами.

Да, оно «управляет» с точки зрения сохранения строя эксплуатации, выкачивания ресурсов из недр на территориях своих экономических колоний; да, оно пытается с помощью стратегий «управления хаосом» и каскада локальных войн сократить на 4/5 население Земного Шара в течение XXI века, с учетом неомальтузианской империалистической идеологии, но этот вид «управления» со стороны мировой капиталоκραтии только «возгоняет» разрушительную энергию рыночно-капиталистического «хаоса» на «вершину» строя капиталократии, чтобы там произошел «взрыв» страшной силы, разносящей вдребезги «карточный домик» («принцип домино») такого строя.

В самом таком «взрыве», череда которых характеризует Эпоху Конец Рынка, Капитализма и Либерализма, начинает говорить на своем языке с человечеством Правда Истории или Онтологическая Правда, развенчивая онтологическую ложь капитализма, как своеобразную «мутацию истории», подлежащую искоренению.

Третье. За первой фазой Глобальной Экологической Катастрофы скрывается растущая неадекватность человечества, или человека как рода, окружающему миру, которая обусловлена тем, о чем писал Н. А. Бердяев в 1918 году («своекорыстие таит в себе безумие»), — безумием своекорыстия. Я утверждаю: своекорыстие превращает Разум в Анти-Разум, т.е. в «разум», экологически самоуничтожающийся, а объективно необходимое ноосферное движение, связанное с переходом Биосферы в Ноосферу, по своей сути превращает в антиноосферное движение, т.е. препятствующее такому переходу.

Философскую концепцию конфликта «Разума» и «Анти-Разума» в мире господства Капитала я раскрыл в монографии «Разум и Анти-Разум (Что день грядущий нам готовит?)» (2003), а затем в монографиях, продолжающих эту тему: «Свобода». Книга первая. Критика «либерального разума» (2008) и «Критика экономического разума» (2008).

Чтобы осознать категорию разума и на ее основе — категорию ноосферы («нус» — по древнегречески «разум»), нужно ответить на вопрос, как он появляется в прогрессивной эволюции Космоса, в частности — на Земле? Мною предложена теоретическая система универсального эволюционизма, обобщающая дарвиновскую парадигму (автор — Ч. Дарвин; наследственность, изменчивость, отбор, доминирование закона конкуренции), кропоткинскую парадигму (автор — П. А. Кропоткин; доминирование сотрудничества, в моей оценке — закона кооперации) и берговскую парадигму (автор — Л. С. Берг; наличие законов эволюции, канализирующих ее или направляющих ее по определенному руслу). В чем она состоит?

В том, что любая прогрессивная эволюция (для нее подходит образ «сходящейся спирали» или «конуса», на поверхность которого навита такая сходящаяся спираль) — атомная, молекулярная, клеточная, эволюция многоклеточных организмов, антропная, социальная, этническая и т.д., в том числе и всей видимой Вселенной, — как эволюция, связанная с ростом сложности (кооперативности) структур эволюционирующих систем, — подчиняется метазакону сдвига от доминанты закона конкуренции и механизма отбора к доминанте закона кооперации и механизма интеллекта. Это означает, что кооперация систем в виде новой, более сложной системы закрепляется в эволюции, если в ней происходит скачок в интеллекте системы, как механизма управления будущим.

Иными словами, любая прогрессивная эволюция интеллектуализируется в том смысле, что наблюдается рост управления будущим со стороны все более и более сложных систем.

Разум — это высшая ступень интеллекта. Закон интеллектуализации «конуса» любой прогрессивной эволюции позволяет говорить о законе «оразумления» Вселенной и о неслучайности появления человеческого Разума на Земле.

Социальная эволюция или История также подчиняется этому метазакону. Переживаемая Эпоха Великого Эволюционного Перелома означает, что наступили Роды действительного человеческого Разума.

Вся социальная эволюция, по крайней мере — после неолитической революции, т.е. та История, которую мы связываем с последними 10-тью тысячами лет (100 веками) и которые мы изучаем так или иначе по учебникам истории, есть «перинатальный период» развития человеческого Разума в «утробе» Биосферы. «Рождение» человеческого Разума и Конец Стихийной Истории совпадают. Наступила Эпоха Перехода от доминанты Закона Конкуренции и механизма отбора — к доминанте Закона Кооперации и механизма интеллекта, т.е. «управляющего разума».

Ноосфера — это новое состояние или качество Биосферы, в котором Человеческий Разум, встраиваясь в гомеостатические механизмы Биосферы, начинает

управлять биосферной — ноосферной (а это и есть социоприродная) эволюцией, подчиняясь законам-ограничениям ее гомеостатики и гомеостатики планеты Земля, в будущем — Солнечной Системы, Галактики.

Но чтобы это произошло, должно произойти расширение пространства сознания человека до космопланетарного сознания, а в человеке должен восторжествовать альтруизм, принцип Альберта Швейцера — благоговения перед любой жизнью на Земле, чтобы Человек осознал себя Ответственным за сбережение, сохранение и прогрессивную эволюцию всего Живого на Земле, всего разнообразия форм жизни.

Неадекватность рыночно-капиталистического «разума», одержимого «безумием своекорыстия», и делает его «Анти-Разумом», ведущим человечество по пути экологического самоуничтожения.

Преодоление «неадекватности человека, а в этой характеристики есть и объективные причины в форме резко возросшей сложности мира, требует нового качества и науки, и образования, которое я склонен назвать ноосферным. Переход к этому новому, ноосферному качеству и составляет суть «вернадскианской революции» в научно-образовательном пространстве, анализу которой и была посвящена коллективная монография «Вернадскианская революция в научно-образовательном пространстве России», изданная по материалам докладов на одноименной конференции в сентябре 2013 года, проведенной в честь 150-летию со дня рождения В. И. Вернадского.

Н. Н. Моисеев, размышляя о механизмах перехода к «эпохе ноосферы», назвал такую необходимую систему ноосферного образования «Системой Учителя».

Четвертое. А что же, на фоне такой общей оценки «нашего времени», происходит с Россией? Россия, в результате так называемых рыночных, а вернее — рыночно-капиталистических реформ, которые я склонен охарактеризовать как рыночно-капиталистическую контрреволюцию (почему я ввожу понятие «контрреволюция», потому что в моей понятийной системе «революция» двигает историю вперед, а «контрреволюция» — направлена против нее и поэтому обречена на историческое поражение), вскопала в «поезд» капитализма, вернее — системы глобального империализма, мчащегося под откос, к своей экологической гибели, причем «на правах» не равноценного члена стран метрополии глобального империализма — стран США, Канады, Австралии, Великобритании, Западной Европы, Японии, а «экономической колонии», от которой требуется стабильный вывоз «на Запад» энергии и ресурсов. ***Россия переживает рыночногенную, — усугубленную строем олигархической колониальной капиталократии, выращенным на схеме приватизации по А. Чубайсу — Саксу и на почве «плоской», 13-процентной шкалы налогообложения, способствующей ускорению перехода национального богатства, концентрации капитала в руки «долларовых миллиардеров», по числу которых (более 130) Россия приблизилась к США, — системную катастрофу.***

Поэтому императив выживаемости России все более приобретает содержание императива преодоления нынешнего состояния, через переход к планово-рыночной ноосферной экономике и к строю Ноосферного Экологического Духовного Социализма.

У России для этого есть все: опыт советской истории, ноосферное учение, русский космизм, опыт космического прорыва, и, наконец, — в целом опыт русской и российской истории, который показывает, что тупиков в истории не бывает, они бывают только в «головах» заблудившихся в «лесу» ложных ценностей людей.

А как же быть с «оцифрованным человекойником»? Есть ли такая угроза? Как быть с «цифровым мышлением» и «цифровыми ценностями» по Дж. Соросу, о которых он как о необходимости писал в книге «Кризис мирового капитализма» (1999)?

Является ли глобализация и компьютерно-цифровой глобальный «концлагерь» необходимым этапом в истории человечества, и тем более необходимым, пусть и «темным» периодом, на пути трансформации Биосферы в Ноосферу, как следует из логики А. А. Яшина в его эссе (в «Колонке главного редактора») «Герой нашего времени» в оцифрованном человеке?

Нет, конечно, не является.

«Оцифрованный человек» — это, конечно, не вся реальность, но некоторый аспект существующего «процесса — попытки», поскольку он не может завершиться победой, по созданию «Строя Денег» или «Цивилизации Рынка», о которых писал Жак Аттали еще в начале 90-х годов XX века. В этом «строе» предполагается, что человек есть компьютерно-одетый человек-неокошечник, привязанный компьютерными («цифровыми») деньгами к банковской системе, более того — «очипизированный» с момента рождения и находящийся под контролем «всевидающего Ока» в форме компьютерной системы слежки со стороны АНБ и ЦРУ США (которая подверглась разоблачениям со стороны Сноудена) и спутникового мониторинга за передвижениями такого «чипизированного неокошечника», призванного перемещаться туда, куда «зовут» мировые перемещения капитала в Глобальной Капитал-Мегамашине.

И такая тенденция в форме «монетарной» и «электронной» революции в мире бытия Капитала имеется, и она является частью становления глобального империализма мировой финансовой капиталократии. Фактически речь идет о становлении глобального технотронного фашизма, как формы установления диктатуры мировой финансовой капиталократии.

Но эта тенденция, этот идеал мировой финансовой капиталократии — утопичны, они терпят крах, «разбиваясь» как о законы развития Природы, порождая Глобальную Экологическую Катастрофу, так и о законы социальной Истории, законы становления человека в человеке, процесс которого не остановить. Вот почему появляются все новые и новые герои нашего времени, вступающие в борьбу с человеконенавистнической системой глобального империализма, какими бы красивыми словами о «демократии», «свободе», «правах человека», она ни прикрывалась, и сколько бы «антигероев» она бы ни рождала.

Немецко-фашистские «носители свободы», вероломно вторгшиеся в СССР 22 июня 1941 года, и которые были побиты в своем логове — фашистской Германии Гитлера в 1945 г., имели на ремневых пряжках слова «С нами бог». Таковой будет судьба и всей системы глобального империализма.

Мы живем в героическую эпоху, может быть в самую трагическую и в самую героическую эпоху во всей истории человечества. Происходят «Роды» человеческого Разума и действительного, ноосферного человека.

При этом Разум не есть редукция ума только до уровня рационального.

Речь идет о действительном Разуме, качество которого тестируется постоянно через качество управления будущим. А это требует синтеза Истины, Добра и Красоты, в котором Истина обретает свое необходимое этическое, духовно-нравственное основание, а Разум обретает смысл «Разума», когда он включает в себя духовно-нравственные основания и является тем Началом Бытия, которое продолжает развитие всего разнообразия Жизни на Земле по пути прогрессивной Эволюции (т.е. роста сложности).

Разум — тогда только разум, когда он «Разум управляющий», причем «управляющий» ради прогрессивного развития Биосферы, с учетом действующих законов ее эволюции.

Да, я согласен с Алексеем Афанасьевичем Яшиным, «оцифровывание» ума и мышления — это вытеснение аналогового, правополушарного мышления, но вытеснение

как тенденция, которая не может окончиться полным вытеснением, хотя практика «церкви Сайентологии» показывает большие успехи в процессах элиминации правополушарного интеллекта, отвечающего за обмен «разнообразиями» с окружающей средой и наиболее связанного с «бессознательным» человека. В этом контексте «оцифровывание» мышления человека только усиливает его неадекватность миру и является одним из важных источников Глобальной Интеллектуальной Черной Дыры.

Что можно противопоставить этому? Культуру, творчество, тренаж интуиции, общение с природой и т.д., и т.п., в том числе и опыт педагогической системы Михаила Петровича Щетинина, которая дает новое направление в обучении и обеспечении становления гармоничного человека. На мой взгляд, и я об этом написал, его школа-лицей в поселке Текос Краснодарского края есть прообраз будущей ноосферной школы.

Героическая эпоха «нашего времени» уже рождает «героев нашего времени». Это и сам главный редактор «Приокских зорь» Алексей Афанасьевич Яшин, чей творческий темперамент и русскую размашистость характера я чувствую на расстоянии, будучи знаком с ним заочно, это и академик РАО М. П. Щетинин, который создал действительно русскую инновационную педагогическую систему, выращающую гениев-творцов, это и полковник В. В. Квачков, для которого честь и будущее Родины — России не пустые слова, это и православный мыслитель-патриот К. Душенов, это и патриарх Русской Православной Церкви Кирилл, это и генерал Л. Г. Ивашов, заботящийся о геополитической системе безопасности России, это и воины из Псковской воздушно-десантной дивизии, вставшие грудью на пути движения чеченских бандформирований в 2000 году, это и безвестные ученые, учителя, рабочие, крестьяне, офицеры, врачи, честно, каждый на своем месте выполняющие свой профессиональный долг, — и несть им числа. На них стоит Русь — России, их делами и подвигами укрепляется и противостоит «валу» «процветающих мерзавцев» в России, о котором предупреждал еще в XIX веке М. Е. Салтыков-Щедрин.

Писатель XXI века — это не только писатель, но и писатель-мыслитель, в каком-то смысле ученый. Данная характеристика приложима к любому деятелю искусства XXI века. В качестве примера, к которому стоило бы приблизиться, думая о писателе, деятеле искусства XXI века, я бы назвал Николая Константиновича Рериха.

Мы живем в сложное время. В Эпоху Великого Эволюционного Перелома, в Эпоху, обращенную к Онтологической Правде или Правде Истории.

Она имеет «ноосферный вектор». Мы живем в Эпоху Русского Возрождения, обращенную к космоноосферному Прорыву человека. А этот прорыв и требует ноосферного человека, в котором все богатство человеческого, в единении духовно-нравственного и интеллектуального начал, раскроется в полной мере.

Повторяю вслед А. А. Яшину слова: через тернии к звездам.

И звезды ждут от нас гуманистической Вести с Земли, — такой Вести, в которой сам разум Человеческий предстает перед ликом Космоса, как достойный его.

А это означает, что человек XXI века как бы итожит собою всю человеческую историю, чтобы перейти в новое качество — ноосферное и социалистическое одновременно, чтобы подняться на уровень Человеческого Достоинства, измеряемого будущей ноосферной эволюцией, в гармонии социального и природного начал, с соблюдением экологических ограничений и правильного использования тех практически безграничных источников энергии, который таятся в тех фундаментальных основах бытия мира, которые называются по-разному, и которые только-только мы начинаем познавать.

Александр Субетто, президент

Ноосферной общественной академии наук, СПб

* * *

С наилучшими пожеланиями из Ростова-на-Дону — Ваш автор Федор Ошевнев. Благодарю за новую публикацию, журналы получил. Качество печати, как всегда, на высоте. Постараюсь побыстрее познакомиться с произведениями Ваших других авторов. Последнюю редакторскую колонку также получил, изучаю. Как всегда, много интересной информации, начиная от ранее мне неизвестного термина «человейник». Действительно, удачное и точное словообразование. А когда читал про человека ноосферного, вненационального, сразу вспомнилась Екатерина Фурцева, поощрявшая, по мере своих возможностей, смешанные браки в СССР и с личной колокольни полагавшая, что если всех женить именно так, то через ряд поколений (но точная цифра не называлась), все нации сольются в единую, наднациональную. Как-то так, в общем, в памяти отложилось. И насколько это неосуществимо на практике... Будучи в командировке в Ингушетии в 1993-м году и выполняя там обязанности «Цензора Республики», задал однажды сотрудникам телерадиостудии вопрос: насколько у них часты случаи, когда ингуш женится на русской. Да пожалуйста! Сосед напротив русскую жену имеет, и за углом сосед, и через улицу супружескую пару лично знаю... Ну а насколько ли часто бывает, чтобы русский был на ингушке женат? Общее молчание, потом чуть ли не крик: «Это по Корану не положено! А если какая-то девушка позорно к русаку сбежит, и ее род найти не сможет, то отвергнет и из своего числа вычеркнет навечно!» И еще. После резни ингушей и осетин в ноябре 1992-го детей от смешанных браков ни одна нация не принимала за своих. Ингуши кричали: «Это дети осетинки! Значит — уже неверные!» То же самое говорили по поводу детей ингуша осетини: «Не нашего рода!» То есть, уже исходно дети врага... Такие вот поверхностные впечатления при изучении Вашей новой колонки возникали. И по армейским своим впечатлениям, когда взводным восемь лет был, утвердился в мысли, что всякая национальность себя все равно над остальными ставит. А чеченцы даже так говорили: мол, национальностей всего три. Чеченцы, русские и нерусские — все остальные... Всех благ и особенно творческих удач Вам лично и коллективу «ПЗ»

Федор Ошевнев, Ростов-на-Дону

К ДИСКУССИИ

Из всей истории человечества, из текстов Священного Писания, из произведений всемирной и отечественной литературы известно, что человек обладает свободой воли, вплоть до того, что и небесные, и юридические законы в момент совершения греха или уголовного преступления не действуют, а все начинается только после реализации задуманного. Это в высшей степени закономерно и справедливо, так как в противном случае не было бы личной ответственности за свои поступки, проще говоря, если все предопределено, то и не с кого спрашивать. Таким человек был создан и, судя по всему, останется, даже во время *«действия эволюционного перехода от человечества биосферы к человечеству ноосферы»* (А. Яшин, «Колонка главного редактора «Герой нашего времени» в оцифрованном человеинике», «Приокские зори» №4, 2013 г.).

Но если «грешный» человек обладает такой свободой, то не большей ли обладает Господь Бог или, говоря *научным языком*, Высший Космический Разум? Думается, на этот вопрос и отвечать не нужно...

Возвращаясь к человеку, следует сказать, что воля его проявляется и в неограниченном полете мысли, в частности, в создании теорий и планов. Сколько же их было

за всю историю цивилизации! И что осталось от всего того, что противоречило Высшей воле? Поэтому верна поговорка «Если хочешь рассмешить Бога, расскажи о своих планах».

Творец любит многообразие. Достаточно оторваться от своих дел и посмотреть на звездное небо или цветущую поляну, обратить внимание на флору и фауну Земли, на обилие расовых и национальных типов людей, этносов и культур.

После величайшей катастрофы XX века, когда рухнул СССР и на Земле утвердилось политическая и прочая монополия США, думаю, Господь Бог огорчился. Ну, представьте на миг, что у вас на даче вдруг везде стали расти одинаковые цветы, или уродилась только картошка, а все иные овощи и фрукты с ягодами погибли. Или ваш кот ежедневно, с утра до вечера, стал произносить «мяу» на одной и той же ноте, в той же тональности и с одинаковой интонацией,— без каких либо вариаций. Или, вообще, вся жизнь ваша изо дня в день стала серой лентой одних и тех же событий и действий...

Если же обратиться к теме конспирологии... то кто же сильнее Бога? И подумать смешно.

Давайте представим следующую ситуацию. Скучно Ему стало, и возьми Он, да и внеси сумятицу в стройные ряды тайных мировых правителей с тем, чтобы начались трения, а затем и противоборство, ну, например, между двумя самыми мощными финансовыми кланами. И раз один из них хочет жестко, и даже жестоко, глобализовать человечество, то другому станет выгодно противопоставить первому многополярный мир — ну, хотя бы только ради того, чтобы не дать другому установить свой глобальный деспотизм над всем и вся.

Возвращаясь к переходу *от человечества биосферы к человечеству ноосферы* и учитывая, что «законы истории, как и всей эволюции жизни, овещаются методом проб и ошибок, выявления правильных и тупиковых ходов» и что «новая, ноосферная биогеохимическая живая оболочка Земли, в прошедшем веке проверила возможные варианты создания социально ориентированного мирового сообщества» (Cit. Or. А. Я.), и в силу сказанного выше, вполне закономерны два вопроса: а) почему и пути перехода к ноосферному человечеству не будут выявляться также методом разных проб и ошибок? и б) может быть, и ноосферное человечество будет многополярным и многоэтническим?

И вот перед Россией, ее цивилизацией, наукой, культурой и, в частности, литературой появляется выбор — сложить крылья и безвольно склонить голову перед жестким глобализмом или все же воспользоваться свободой воли, Высшей предрасположенностью к многообразию и ситуацией поиска и «выявления правильных и тупиковых ходов» и встать на позиции многополярного мира? И хоть сказано: «паны ссорятся — у мужиков чубы трещат», в этом противостоянии мы, впрочем, как и другие страны и народы, даже те же американцы (практически полностью потерявшие свою независимость после убийства Д. Кеннеди), можем и свои выгоды обрести, например, в деле отстаивания своего традиционного, с учетом всего хорошего в разные периоды нашей истории, пути развития и своей культуры.

И если говорить о будущей ноосфере,— а о ней не говорить невозможно, так как каждому разумному и наблюдательному человеку очевидна истинность теории В. И. Вернадского, развитой далее современными учеными, в частности А. А. Яшиным, А. И. Субетто и другими,— то следует определиться, прежде всего, что же такое самое ноосфера будущего. Это «коммунизм» золотого миллиарда или, того хуже, кучки «золотых семей», или же это единый организм Земли, биосферы и сохраненного во всем его многообразии, но объединенного, человечества, где оно будет мозгом этого организма? Иначе говоря, если перейти на философские термины,

бытие определяет сознание, или все же сознание — бытие? Если верно первое и все уже предопределено, то жесткая (вернее жестокая) глобализация сделает свое дело, создаст ноосферу для «золотых», а «остальные» перейдут в «виртуальную реальность». Потому «пей и гуляй», как говорится, «поигрывай в шашечки под водочку с селедочкой», потребляй наркотики и удовольствия — все одно пропадать, так как от нас, как бы мы ни напрягались в мысли (а ведь дана человеку мысль, наверное, не только для того, чтобы констатировать?), ничего не зависит. А вот если верно второе, то наступает эпоха «живой», творческой истории, где роль человека неизмеримо качественно меняется, где роль каждого народа, каждой страны в мировом многоцветии стран и народов неизмеримо растет и где есть будущее у каждого человека и этноса.

Потому и перед писателем сейчас, как никогда, стоит вопрос — встать на позиции пессимизма, мол, все одно жестокий глобализм всех «причешет своей жесткой гребенкой», или рождать своим творчеством сострадание к нашим современным униженным и оскорбленным гражданам, показывать путь выхода, который, если мы истинно верующие (независимо от конфессии), состоит в Любви к людям, в превалировании совести над желаниями, в постоянной памяти о том, что цель и смысл жизни человека — постижение Божественной истины и следование ей, забота о ближних, то есть о других людях и человечестве, личное духовное совершенствование и помощь в этом другим. Думается, что писателю — приверженцу нового русского критического реализма, — как никому другому, ближе второе.

Отсюда и образы, которые он призван создавать в своих произведениях, в противовес вселяющим безграничный пессимизм, возбуждающим низменные инстинкты, являющимся прямо или косвенно некими *инсталляциями* и *перформансами*, между которыми, перефразируя Н. С. Михалкова, разница только в том, *когда нагадить на площадке*, — *до звонка в квартиру или после*, образам, культивирующим в людях не любовь, раздражение, злобу и ненависть. Герои произведений писателя должны продолжать традиции оптимистического созидания лучшей жизни, Любви и Красоты, возрождать в людях доброту и сострадание к человеку, находящемуся в тяжелых жизненных обстоятельствах, но не прекращающему быть таковым.

**Яков Шафран, член Союза
писателей и переводчиков МГО СПР,
лауреат Всероссийской литературной премии
«Левша» им. Н. С. Лескова**

НООСФЕРА В ПОНИМАНИИ ОДНОГО ПИСАТЕЛЯ

Ноосфера — слово это в моем сознании появилось давным-давно как нечто недосягаемое в понимании простого человека, с наукой не связанного, законами биологии не владеющего.

Тогда это слово вызывало во мне какие-то неясные предчувствия перемен в человеческом мире.

Теперь-то мне известно, что это волшебное, в молодости непонятое, слово связано с новым развитием человечества на основе разума, который, взаимодействуя с природой, даже первенствуя перед ней, вносит в жизнь общества мудрость, ум, смысл, силу и волю.

Профессор математики Эдуард Леруа, писавший о мыслящей оболочке, наполненной человеческим сознанием, и философ Тейяр де Шарден, поддержавший эту идею как прямую возможность слияния человека с Богом, развивали то, что сформировалось в 20-е годы прошлого столетия в учение Владимира Ивановича Вернадского.

Не вдаваясь в научные тонкости, отметим те позиции учения В. И. Вернадского, которые представляют, на наш взгляд, особый интерес.

- единая информационная система;
- единая форма контроля над человеком;
- новые источники энергии;
- подъем благосостояния людей;
- победа демократических сил общества;
- равенство всех людей перед законом (и не только перед ним);
- единое планетарное государство.

Удивительно, насколько быстро развивается в практическом преломлении научная теория. Сегодня, например, сложно любому педагогу строить свою деятельность, поскольку он оказался не единственным и не самым мощным источником знаний. Загляни в Интернет, и найдешь ответ на любой вопрос (или почти на любой). В таких условиях очень трудно быть для обучающихся (детей, подростков, студентов) первооткрывателем мира. Однако в этих условиях и быть человеком необразованным — стыдно. Есть единая информационная система, благодаря которой тот, кто захочет, узнает и образует себя сам.

Трудно не только педагогам. Политикам почти невозможно скрыть от народа, от своих избирателей сведения о том, что происходит в мире, какие глобальные общественные проблемы захватывают его и надвигаются, как энергично требует народ исполнения обещаний народных избранников о создании общества великого благоденствия и расширения демократического участия в решении важнейших вопросов.

Человечество семимильными шагами движется к объединению в единую огромную структуру, несмотря на то, что существуют сегодня разные государства и национальности, что из-за религиозных различий и интересов не прекращаются в мире жестокие столкновения. Все это будоражит матушку-планету, однако формируются силы, стремящиеся к тому, чтобы объединить людей в подвластную себе массу исполнителей воли меньшинства. Причем не только слепых исполнителей чужой воли, а тех, кто желает такого развития, в котором одни действуют в интересах других.

В. И. Вернадский, одержимый возникшей в его голове идеей, ясно видел, как человечество превратится в скором будущем в мощную геологическую силу, преобразующую мыслью и трудом планету Земля.

Плохо ли? Нет. Человечество в своем развитии стремится к тому, чтобы жизнь двигалась дальше на основе разума, охватывая собой всю планету и энергично выходя за ее просторы.

Тогда почему ученый и писатель А. А. Яшин выступает в журнале «Приокские зори» с редакторской статьей, в которой каждое слово — предостережение надвигающейся угрозы?!

Для начала главный редактор разослал авторам журнала «Меморандум о принципах развития науки ноосферологии», тем самым вводя их в обозначенную проблему. В Меморандуме кратко освещены принципы развития ноосферологии, сформулированные в рамках работы Тульской научной школы биофизики полей и излучений, а также биоинформатики. Вместе с тем, там же отмечено, что наука эта развивается исключительно в России, частично на Украине, тогда как на Западе она не признается, поскольку не способна, по мнению западного мира, приобрести прагматического значения.

Затем А. А. Яшин связал предложенную им на обсуждение научную проблему с развитием литературы и общества, осветив свой взгляд в редакторской статье «Герой нашего времени» в оцифрованном человечнике» [Приокские зори, 2013, № 4].

Не имея научно-специальной подготовки, мы не можем в достаточной степени

провести анализ взглядов ученого А. А. Яшина и представить научную картину, однако попробуем взглянуть на проблему с точки зрения человека, который, хотел бы — нет ли, все же участвует в создании общества разума. Каждый писатель стремится показать новый взгляд на описываемые им события, подметить и раскрыть характерные для общества явления, художественно преобразить освоение существующего мира, тем самым действуя на развитие всемирного разума.

Не бывало ли с вами, дорогой читатель-писатель такое, когда, казалось бы, ниоткуда возникает в голове сюжет, формируются события и неожиданные повороты, укладываются характерные черты персонажей? Можно сказать, что все перечисленное берется писателем из жизненного опыта, из приобретенных знаний, из того, что он услышал и подсмотрел. Не станем спорить. Так и есть. Однако предложим и другой ответ, возможно, кем-то оцененный как «сказочный»: мозг творческого человека насыщается информацией, которая льется в него из информационного поля Земли. Не из Интернета, а из той оболочки знаний-взглядов-мыслей-надежд, что окружает планету и подпитывается человеческим разумом.

А бывало ли так, что описываешь событие прошлого и откуда-то знаешь, как оно происходило, более того, чувствуешь своего героя как себя, проживаешь его жизнь будто собственную? Не играет ли с нами информационная оболочка Земли? А может, и помогает? Дает писателю сведения и требует, чтобы тот передал эти сведения землянам.

Михаил Булгаков, Иван Ефремов, Аркадий и Борис Стругацкие не из этого ли источника обогащали творческие силы? Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Николай Гоголь, Федор Достоевский, Лев Толстой, Антон Чехов и другие гении художественного слова не оттуда ли напитывались темами, сюжетами, образной палитрой и словесным самовыражением?

Однако мы увлеклись и значительно отступили от того, с чего начали очерк.

Впрочем, не отвлеклись. За все, и за творчество тоже, надо платить. И цена бывает порой неподъемной. Так информационное поле, питающее творческих людей любой сферы искусства и деятельности, требует величайшей отдачи.

Человейник, глобализм, интернетовское сообщество, усиливающийся со всех сторон контроль над личностью, расширение возможностей и вместе с тем невыносимо-жесткий, даже жестокий, ритм жизни, новые источники энергии и энергетическая сила, с которой зачастую невозможно справиться человеческому организму, объединение людей в общеземном масштабе, новые связи между континентами, странами, нациями и в то же время глобалистическая зависимость, в которой не каждый способен выстоять и сохранить собственную индивидуальность (личности, нации, расы, континента, земного шара).

Усиливается осознание уникальности и стремление ее сохранить, а наряду с этим усиливается стремление уничтожения уникальности, приведения всех в единую форму, к единым условиям существования, к единомыслию, которое способно уничтожить людское разнообразие.

Попытки человечества оцифровать происходящее — еще одна проблема, подходы к разрешению которой не могут быть однозначными. Цифры — предмет математики. Можно сказать, что математика — наука о цифрах. Однако математика — это наука о количественных отношениях и пространственных формах существующего мира. Потому, представляется нам, цифра, способная выразить в разных формах земные процессы, вносит в нашу жизнь новые условия. Это и точный расчет, и надэмпиональное конструирование, подчиненное логике.

А. А. Яшин отмечает: отринуту «аналоговое, творческое в своей основе, мышление», происходит переход к утилитарному, цифровому мышлению, молодые литера-

торы ушли в извращенно-вымышленный, сугубо утилитарно-цифровой (то есть компьютерный) мир «фэнтези».

Тем не менее, в любом процессе всегда присутствует две стороны — позитивная и негативная. И если мы рассматриваем компьютер как предмет необразного «цифрового» мышления, то что нам мешает посмотреть на это мышление как на логично-оформленное, четкое и точное, без лишнего «растекания мыслью по древу»?

А заодно осознать, насколько в современном мире вырастает значение литературы, назначением которой является образно-художественное раскрытие человеческой жизни. При таком подходе можно обнаружить, что и в описании «морфологии фантастических ящеров» может быть заложено все то же раскрытие жизни человеческой, а «вольнлюбивые фантазии» являются попытками открытия нового знания о человеке.

Мы солидарны с глубочайшим переживанием автора редакторской статьи по поводу «функциональной безграмотности», охватившей современное общество и способной привести к удручающим последствиям. Однако учитывая, что создание глобальной сети и цифрового выражения земных явлений является новым этапом развития человечества, который вряд ли удастся повернуть вспять, надо потратить силы и умственный потенциал не на то, чтобы этот процесс остановить, а на то, чтобы извлечь пользу, чтобы выйти из нового явления с наименьшими потерями.

Какой путь избрать из возможных путей развития человечества, чтобы минимизировать негативные последствия ноосферного этапа — это задача нашего поколения, которая должна решаться человеческим сообществом. Она стоит и перед учеными, и перед преподавателями разного уровня и направления, перед врачами, психологами, социологами, правоведами, техническими работниками, перед деятелями культуры, словом — перед всеми творческими личностями. Эта задача стоит и перед творцами художественного слова. Так нам, по крайней мере, видится.

На наш взгляд, следует обратить внимание на следующие особенности современного развития человечества.

1. Все более мощно проявляется сила небольшого числа людей, которых нередко называют «мировым правительством», стремящаяся установить тотальный контроль над человечеством.

2. Тотальный контроль за обычным человеком выражается не только в том, что усиливаются слежка, прослушивание, фиксирование его действий на всевозможные видеокамеры. Происходит также ограничение роста народонаселения — любыми средствами. В ход идут организация войн, появление новых болезней, с которыми человечество еще не в силах справиться, рост межнациональной вражды, доходящей до открытых вооруженных столкновений и террористических актов, терпимость к однополым семейным союзам.

3. В любой стране происходит установление для человека узкофункциональных рамок. Он сам превращается в функцию и обязан, чтобы остаться на привычном уровне комфорта и достатка, выполнять только то, что ему предписано. Как говорится и даже демонстрируется ежедневно в телевизионной рекламе, человек становится «белкой в колесе».

4. Для современного общества характерны еще две важнейшие проблемы: профанация образования и профанация медицинского обслуживания.

Все более открыто заявляет о себе стремление заменить высококачественное образование народных масс узкопрофессиональными навыками. Приобретая ограниченные знания, необходимые для выполнения конкретно-узких операций, человек становится «винтиком» большой государственной машины. Мы бы отметили и так: не государство служит обществу и личности, а только личность обязана отдавать себя на потребу государства.

Под различными предлогами (дороговизна образования, нехватка специалистов, перевод на новую образовательную систему, которая представляется нам как более совершенная) уничтожается возможность формирования высокообразованных специалистов, обладающих широким спектром знаний в своей области и в пограничных с нею. Резко сокращается кругозор современного человека.

5. Профанация медицины проявляется в том, что, с одной стороны, появляется уникальное оборудование, на котором возможно лечение сложнейших, даже неизлечимых до недавнего времени, заболеваний, создаются новые виды лекарств. И, с другой стороны, у подавляющего большинства населения любой страны все меньше и меньше возможности использования уникальных медицинских технологий, лекарств, оборудования.

6. Растет быстрыми темпами разобщенность людей. Например, современные дети и подростки все чаще общаются друг с другом через компьютер и Интернет, что вызывает у них стремление жить «в своем коконе». Этот процесс приведет к тому, что общество в скором времени может превратиться в существование отдельных единиц, мало связанных между собою.

Несомненно, такое положение сразу скажется на возможности развития творческого «Я», ибо оно возможно, когда человек находится среди людей — гениев, талантов, специалистов, ремесленников, а также среди технарей и гуманитариев, среди тех, кто больше знает и меньше, кто предпочитает уединение или любит быть в окружении друзей, товарищей и коллег. Разнообразие общения, разность взглядов и интересов, различие условий жизни, национальных традиций создает то многообразие, в котором развиваются личность и общество.

А. А. Яшин своей статьей, в основе которой лежит творческо-научное видение современного развития человечества, а также необходимый критический анализ событий и явлений, происходящих как в российском обществе, так и на всем земном пространстве, справедливо «бьет тревогу», ибо от осознания людьми процессов современного развития зависит дальнейший путь человечества.

В настоящее время решается глобальный вопрос: каким человечеству быть через пятьдесят-восемьдесят лет.

*Ирина Кедрова, прозаик и драматург,
член Союза писателей России,
Академии российской литературы, Москва*

НРАВСТВЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СОЗНАНИЯ (К ДИСКУССИИ «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»)

*Пусть то, что я скажу, не так уж мудро,
Но мудрость друга — выслушать меня...*

Расул Гамзатов

Новая дискуссия «Герой нашего времени или о чем писать романы», вызванная всемирным процессом перехода «от слов к цифре», заставила меня вспомнить великого Льва Николаевича Толстого, который был одержим идеей «нравственной революции сознания».

Компьютерно-цифровое мышление, ворвавшееся в ноосферу нашей планеты, построенной изначально, по выражению того же Толстого, «на цепочке питания», пожирания друг друга, последовательно разрушает не только человеческую психику и

нормы поведения, но и приводит к иному художественно — стилистическому литературному методу, меняя прежние нравственные мировоззренческие понятия и стереотипы. Соавторство с компьютером изменяет отношение к написанию текста, который становится многословным, маловыразительным, бессознательно уходит уважение к родному языку, речь становится небрежной, засоренной штампами, уличным жаргоном, искаженными на русский лад иностранными словами. Бесспорно, что мысль можно передать разными способами: знаками, картинками, цифрами. Зачастую мысль опережает ее изложение, да и не всегда возможно равнозначно перевести ее на бумагу. Но, несомненно, что только Слово — самый яркий носитель человеческой мысли.

Так какого же героя нашего времени ждать читателю «из-под компьютерного пера»? Да и отличается ли он от нынешних персонажей бумажной литературы. И каким будет литературный герой эпохи после повсеместного внедрения компьютера с искусственным интеллектом (искинта), о непредсказуемости которого столько споров. Среди технологических программ искусственного интеллекта, есть и возможность для любого пользователя создавать художественные произведения любого жанра, даже не обладая ни в малейшей мере знаниями о процессе творчества, так как окончательный выбор информационного материала, ситуаций, героев, манеры изложения будет за искусственным разумом, о «моральных принципах» которого в ходе эволюции компьютерной техники только приходится гадать.

Эксперты Института психологии РАН, оценив изменения психологического облика россиян за прошедшие годы, отмечают, что *«нация стала агрессивнее, злее, наглее»*. Все это следствие морально-нравственного падения общества, почти античная трагедия, которая находит свое прямое отражение в современной культуре, и особенно в современной литературе, в чем в немалой степени повинна и интернетовская паутина. Даже патриарх Кирилл в своем недавнем выступлении отметил, что погружение в компьютерные сети поработает, как сознание, так и волю, искажая мышление и мировосприятие. А литературный герой любого времени «вырастает» из реалий действительности. Положительный герой формируется из сложной истории государства, из отечественной культуры, из родного языка, из атмосферы семьи, из созидательной обстановки в обществе, которая подкреплена достижениями страны, улучшением жизни народа. А сегодня в сознании стираются понятия сострадания, патриотизма, гуманности, и «воспитание» подрастающего поколения на произведениях с преобладанием сцен жестокости, насилия, грубости, цинизма дало свой результат. По данным ООН Россия в пятерке лидеров по детской жестокости!!!

Мы стали свидетелями того, как «порвалась связь времен», а литература, как и культура в целом, отrekliсь от традиций преемственности, а как следствие, не способны в полной мере раскрыть общечеловеческие проблемы, в том числе, нравственно-эстетические и социально-политические.

Аксиома, что каждое время имеет своих героев, тех которых заслужило общество. Есть две формулировки о необходимости героев. Согласно одной, счастлив народ, у которого есть герои. А по другой, несчастлив народ, который нуждается в героях.

Российская словесность всегда разделяла судьбу страны, впитывала и отражала социальные коллизии эпохи, духовный климат общества, заставляла мыслить. А такая «мыслящая литература» всегда современна, она не устаревает, как и ее герои.

Новый виток геополитических, исторических, экономических, социальных, идеологических катаклизмов и противоречий резко поменял общекультурную ситуацию, привел к разрушению сложившейся мировоззренческой системы, к переоценке духовных, морально-нравственных ценностей, вторгся не только в человеческие судьбы, но и в человеческое сознание. Новая социально-культурная среда, обесценила

наследие прошлого, разрушила целостный образ классической литературы, отправив огромную часть культурного наследия в архив Истории. Органического продолжения традиций классической литературы и литературы советского периода не произошло. Литература оказалась отлученной от больших идей и светлых идеалов, от нравственной ответственности писателя за написанное, перестала быть «учебником высшего духовного познания жизни».

Снова вспомню слова великого Л. Н. Толстого: *«Нет идеи, нет ценностей. Зачем писано»*. Общеизвестно, что в своих героях писатель выражает собственную индивидуальность. Но когда борьба за чистоту идеи подменяется борьбой за чистоган, демократия превращается в демократизацию, озлобленность и духовное оцепенение ведут к духовной катастрофе. Живой ум тоскует, так как не может жить без нравственного сознания, без ярких мыслей и сомнений, без внутреннего зренья. Думающий читатель не забыл жанр интеллектуального романа, городской и деревенской прозы, предполагающие своих положительных героев, с кого «делать жизнь». Только высшие гуманистические идеалы и цели делают людей духовными единомышленниками.

Но сейчас часто говорят об отсутствии в обществе идеологии.

В книге известного философа А. Ф. Лосева «Работа духа» совершенно четко и правильно отмечено, что не только общества не существует без идеологии, но и отдельного человека. Даже совершенно не способный к последовательному мышлению человек — носитель определенной идеологии. Личность положительного литературного Героя определяет мировоззрение писателя, его идеологическое кредо, идеология интеллигентности, носитель которой не может не видеть всех «свинцовых мерзостей жизни», ее несовершенства. Понятие «культура» в переводе с латинского имеет несколько значений, среди которых и «возделывание», т. е. сознательная работа духа, направленная на совершенствование окружающего мира.

Сегодня же нас окружает идеология наживы, стяжательства, постоянный прессинг (так теперь говорят) телевидения, где сцены насилия, агрессии, распутства стали нормой. То же и в произведениях многих авторов нашего времени. И это при том, что каждого здравомыслящего человека по-прежнему волнуют вечные вопросы, сформулированные классической русской литературой, как «что делать» и «кто виноват». По-прежнему актуальны сомнения литературных героев советского периода, звучавшие у Шукшина, как «что с нами происходит», а у Распутина «почему мы такие».

Литература без положительного героя нонсенс.

На Востоке есть поговорка «Пожар кровью не заливают». Нельзя спасти и наш разрушенный дом бульварной литературой.

Я часто выступаю в библиотеках, в культурных центрах и вижу, что у подавляющего большинства читателей есть непреодолимое желание прочесть яркое современное произведение художественной литературы, масштабное по содержанию, увлекательное по изложению, герой которого не вымышленное или историческое лицо, а наш современник. Читатель ждет серьезных и увлекательных, глубоких произведений, в которых подняты в художественной форме острые социальные, общественные, нравственные проблемы. Читатель ждет произведений, в которых напряженные конфликтные ситуации, осуждены пороки и их причины, а герой, критически мыслящий, общественный человек, умный, духовно сильный, личность которого описана точно, ярко, сочным русским языком. Но читателей обильно потчуют описаниями жизни олигархов, чиновников, банкиров, менеджеров, киллеров, куртизанок, торгашей, наркоманов. Они стали «героями» многотомной бульварной литературы, обильной «женской» прозы и прочих изданий, заполонивших полки книжных магазинов, уличные прилавки.

Не преувеличение, что настоящий герой любого времени явный или потенциаль-

ный борец за справедливость, так как в жизни и отдельного человека, и общества в целом не бывает постоянных мирных периодов и в обывательской ежедневной жизни всегда подстерегают тревоги, опасности, потери. И ведь такие люди есть, они реальны, они могут стать прототипами, стать положительными героями нашего времени. Это те же учителя и врачи, военные и рабочие, которые были героями стольких замечательных произведений русского критического и социалистического реализма. И они никуда из реальной жизни не исчезли.

Конечно, утверждать, что на нынешнем историческом витке глобализации литература приближается к своему гибельному финалу рано.

Но общение с читателями, убеждает, что пошатнулся авторитет современного писателя, измельчала личность пишущего, ведь зачастую за перечисляемыми званиями, членствами читатель ощущает полное отсутствие истинной интеллигентности, интеллекта, широты эрудиции, чувствует, что *«званных много, да мало избранных»*.

Положительный, а может, и идеальный герой нашего времени появится, когда писатели осознают свою ответственность за эпоху, за свое время, научатся уважать прошлую историю страны, любить не человечество в целом, а человека. Совесть писателя формируется мудростью веков и собственным жизненным опытом в любое время.

Среди современных писателей серьезные читатели, в основном среднего и старшего поколения, называют не более двух десятков имен тех, чьи произведения знают, ждут. Не буду перечислять эти имена. Их можно встретить в многочисленных шорт — листах всевозможных премий, но задам риторический вопрос. Неужели переревелись на русской земле талантливые писатели, владеющие пером не хуже своих предшественников — классиков русской и советской литературы, способные создать произведения, реальные герои которых — наши современники — способны совершить «нравственную революцию сознания» в наше смутное время и отвести человечество от пропасти всемирной катастрофы, сохранить цивилизацию и саму жизнь,

Уверена, что это под силу литературе нового критического реализма, которая призвана вернуть заблуждающихся, озлобленных, обманутых на путь добра. Будут ли это компьютерно-цифровые издания или бумажные, покажет время. Лишь бы не опоздать, чтобы не было «мучительно больно» потомкам.

*Людмила Авдеева, член Союза писателей России,
Международной федерации журналистов, Москва*

* * *

Благодарю Вас за инициативу провести в Приокских зорях дискуссию на ВАЖНЕЙШУЮ тему в эпоху, когда нравственно-гуманистическое понимание отечественного и поколенческого Героизма вытесняется суррогатами «звезд» общества потребления, сверхпотребления, тупиковой сексуальной революцией, выражающей глобальную этническую депопуляцию, духовное обнищание лидеров так называемой цивилизации. В ответ на Ваши инициативы я готовлю для Приокских зорь — 2014 эссе с рабочим названием «Вызовы глобализации и ноосферный реализм XXI века».

Уже наметились части:

- Глобальные формационные конфликты и ценностный кризис жанра.
- Л. Н. Толстой и В. И. Вернадский: титаны ноосферного реализма.
- Перспективы жанра: поиск форм ноосферного реализма.
- Ноосферная цивилизация России: Кто он — Герой XXI века!?

Надеюсь, будет продолжение, потому что работаю над книгой «Ноосферная глобалистика и ноосферология гражданства», слайды которой я Вам выслал.

Вы правы: спасти человечество от его *оцифровывания*, превращение поколений в безмозглые объекты потребления человеки может только понимание, осознание Личностями-Героями собственной ноосферной природы, ноосферного статуса, ноосферной миссии в сферах жизни природы, общества, структур цивилизации.

В очерке приводится полемическое письмо В. И. Вернадского Толстому (1901), «подтолкнувшее» автора к научно-мировоззренческому поиску выхода из нравственного тупика, который так и не нашел *человечище* второй половины XIX, начала XX века. Вернадский этот выход нашел, предложил его человечеству.

Переход от понимания императивов «вернадскианской революции» к основам ноосферного мышления, ноосферным принципам политического, массового, научного, эстетического, иных форм сознания, целям деяний дорого, видимо, долгая. Но без героев мысли в образах литературы, освещающих путь поводырям общества, видимо, трудно выйти из тупиков заблуждений и слепого потребления.

В общем, уважаемый коллега, работа идет, что получится — Вы, надеюсь, узнаете первым. Я застал Вернадского живым.

*Василий Василенко, доктор философских наук,
главный редактор электронного журнала
«Ноосфера XXI века», Волгоград*

НОМО NOOSPHERES: РАЗМЫШЛЕНИЯ О «ГЕРОЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Современная русская литература наполнена различными героями, включая самых аморальных и отрицательных, но если проанализировать наличие подобных героев в классической отечественной и мировой литературе, то, в общем, мало что изменится в представлении об «эволюции» Героя и закономерно прозвучит вопрос о том, кого же следует считать истинным героем, а кого — ложным, второстепенным, проходным и т.д. При этом также целесообразно обозначить проблему отсутствия вообще какого-либо «героя нашего времени» в литературных произведениях, исходя из значимости этого героя для человечества или хотя бы для отдельно взятой страны. В определенные эпохи время требовало своих лидеров, решений, событий, а следовательно, и литературных героев. Но если, например, сравнить Будду или Иисуса Христа по их влиянию на развитие цивилизации, то любой революционер, ярый ленинец, пахарь, храбрый вояка или космонавт бесследно померкнут перед этими фигурами, хотя, по сути, в условиях древнеримского «фашизма» и кризиса древнегреческой демократии мысли и действия Христа были поистине революционными, а в рамках закона тех времен их можно было квалифицировать как вредные и преступные.

На протяжении двух тысячелетий миру не было явлено почти ни одной грандиозной личности по уровню влияния на сознание и духовность Человечества так, чтобы за ней, за этой личностью, пошли миллионы, а теперь — миллиарды людей. Выдающиеся лидеры были в истории XII—XX веков, но они противоречивы, а кровавый след тянется за ними длиннее, чем рукава Млечного Пути, т. е. личности эти были глубоко сомнительные по духовному, моральному, интеллектуальному и пр. влиянию на «толпы» (Чингисхан, Наполеон, Ленин, Гитлер, Сталин и др.). Не рассматривая скачков в уровне научно-технического прогресса в связи с разработкой нового оружия, можно сказать, что тираны, завоеватели и попросту злодеи в качестве

героев нашего (любого) времени не годятся. Подтверждением этому могут служить недавние теракты в Волгограде, но об этом следует говорить отдельно, касательно нашей страны и современной мировой политики...

Сразу же обозначу очерченную принципиальную проблему: на какой идеологии должен создаваться «герой нашего времени» и какие мысли он должен нести в массы, являясь или не являясь отражением событий, своего века или эпохи? А может, он должен быть универсальным — приемлемым для любых времен и народов. Если герой — гуманист, то каков он? В настоящее время можно предложить сложную классификацию гуманизма (религиозный, светский, научный, биологический, медицинский, радикальный и пр.), современный профессор В. Н. Финогентов предлагает в качестве основного *гуманизм трагический*, согласно которому человек и человечество, осознавая свою смертность, должны суметь оставаться человеческими. К сожалению, на сегодняшний день (за исключением опыта Южной Америки) нет полноценной концепции универсального гуманизма, как будто не было ни трудов лауреата Нобелевской премии А. Швейцера и его универсальной этики, ни учения о ноосфере В. И. Вернадского, ни космической этики К. Э. Циолковского (список можно продолжить).

Нет универсального гуманизма и универсального героя нашего времени, во-первых, потому, что и без того в сложном и ежечасно усложняющемся мире нет единых рамок и законов для Человечества; а во-вторых, для того чтобы создать этого «героя» необходимо обладать огромным багажом знаний по литературе, социологии, политологии, психологии, биологии, физике, не говоря уже об элементарных правилах знания родного языка и стилистики художественной речи, этики, эстетики, истории и т.п.

Сторонникам божественного происхождения Человека (на планете Земля) в тех интерпретациях, которые ныне существуют, следует обратить особое внимание на достижения современной генетики, а именно: человек не произошел от обезьяны, все гораздо сложнее или хуже, ибо до 50 % генов человека «унаследовано» от бактерий и червей (в том числе Нобелевской премии были удостоены исследования по зоопсихологии, в которых авторы доказали наличие одинаковых генов, отвечающих за обоняние, у человека и мышей). Вот это действительно трагично, но нет также смысла отрицать наличие жизни на других планетах и даже рукотворное происхождение Вселенной, ибо только в галактике Млечный Путь около 400 млрд. звезд, а масштаб Космоса настолько велик, что его нельзя представить человеческим умом. Возможно, существуют сверхмиры, способные запускать эволюцию вселенных, закладывая в неживую материю запрограммированный ход всего, что будет впоследствии наполнять галактики и их Разум. Отсюда возникает вопрос: если Бог создал Землю, то кто создал Вселенную?.. Ответ на этот вопрос лежит в той плоскости, если бы муравьи или мухи неожиданно открыли ДНК и разгадали бы тайну происхождения человека. К сожалению, даже мы сами пока не можем ответить на этот вопрос.

Из всего этого возникает вывод о том, что человечество, с одной стороны, по-прежнему утопает в крови локальных и крупномасштабных войн, а с другой — стремится к осознанию самого себя, к разгадке своей сущности, тайны происхождения, к открытию все более и более умопомрачительных, неземных (на первый взгляд) законов, за которыми скрывается разгадка всего мироздания. При этом с каждым годом технические возможности людей становятся все более и более необычными, не за горами те времена, когда человек будет жить полноценной жизнью в среднем на 20—30 лет дольше. Наряду с этим возрастает и конкуренция на планете, сконцентрированная в полярных цивилизациях (например, США, Китай, Россия, Европа). В случае наступления преждевременной «гармонии» исчезнет фактор противостояния, а следовательно, отбора и эволюции. В этой связи в продолжение к размышлениям главного редактора журнала «Приокские зори», профессора А. А. Яшина хочется доба-

вить, что *глобализация*, проповедуемая США, скорее всего, будет обречена, и только после падения всемогущества США (а может быть, и третьей мировой войны) мир выйдет на полноценный путь развития как единый, т. е. вся планета станет этим центром, а не отдельное государство.

В этой связи, скорее всего, религии в действительности потеряют свои преимущества и будут нивелированы, а научно-моральное (научно-духовное) общество заменит их сводом общепринятых планетарных законов или правил, которые возьмет в качестве образца все человечество. Не исключено также, что в процессе длительной эволюции (сотни тысяч лет), в случае отсутствия глобальных катастроф, замедления развития и вымирания человечества, земляне действительно самостоятельно разовьются в принципиально новый вид людей — *homo noospheres* (по А. А. Яшину). Какими качествами будет обладать человек будущего, не считая его тесного взаимодействия с инновационными техническими решениями? Честностью, порядочностью, сверхинтеллектом и пр. Но, однако, сложно не согласиться с профессором В. Н. Финогентовым в том, что человеческий путь на планете Земля *не гарантирован*. Возможно, развитие человечества и вправду обречено из-за этих 50 % (от червей и бактерий) и нуждается в преобразовании на генетическом уровне (в силу развития науки и в рамках морального закона).

Если так называемый «Бог» не заботится о сохранении и защите своего детища в том ракурсе, которого теперь требует человек, а высокоразвитые «гуманоиды» к нам все летят и летят, то приходится рассчитывать только на самих себя. Но на что опираться человечеству в своем дальнейшем духовном развитии? Пожалуй, классические, базовые религии для этого вполне годятся. Я категорически не согласен с А. Г. Невзоровым, называющим христианство агрессивной религией (очевидно, он не разделяет православие и католицизм, а также не рассматривает вопрос взаимодействия религий в историческом аспекте). Если монах с Афона или эфиопский христианин-затворник — агрессоры, то *кто* тогда радикальные мусульмане и ваххабиты, шахиды, террористы, сепаратисты в своей сущности?.. Можно подумать, что православные священники или послушники способны заложить бомбу на железнодорожном вокзале или в троллейбусе. Нет, что-то путает некогда популярный ведущий передачи «600 секунд». Вопрос состоит в том, что религия не должна слишком активно вмешиваться в светскую жизнь, но с другой стороны, как не вмешиваться, если в некоторых странах уже разрешены однополые браки, да еще и детей им дают на воспитание. Геи и лесбиянки отстаивают свои права, но мало кто знает, что у мух-дрозофил тоже встречаются половые извращения, научно доказана взаимосвязь этих извращений с умственной отсталостью данных насекомых. Хотите быть геем? Очевидно, вам просто надо долго лечиться в психиатрической больнице.

В ситуации всемирного падения нравов православие не может не вмешиваться в устранение вездесущего разврата и слабоумия, ведь есть очень деликатные вопросы современной жизни. Например, эвтаназия. Если огульно развязать политикам, чиновникам, правителям и депутатам руки, устранить нормы, в том числе религиозные барьеры, то завтра будет узаконена и педофилия, и сексуальное насилие, и пр. В классической литературе (от Ф. М. Достоевского в «Бесах» и А. И. Куприна в «Морской болезни») и прозе современных лет это подробно обрисовано до высшей степени отвращения. Хотите еще более жестоких «бесов»? Они явятся, если их вовремя не удержать.

Другой вопрос состоит в чувстве такта, и, если слово «Бог» употребляется при каждом удобном или менее удобном случае, этому слову цена невысока. Куда более обстоит дело с перспективами религий: возможно, в связи с новыми глобальными потрясениями миру будет явлен очередной «Спаситель», более актуальный и прогрессивный, но с учетом тенденций в научно-техническом развитии вера в чудеса с годами будет только слабеть. Требуется что-то принципиально иное. Попытки

формирования новой религии были (это и советский коммунизм, и идея сверхчеловека Ф. Ницше). Участь религиозного изгнанника была уготована и Л. Н. Толстому. Что может полноценно заменить религию?... Пожалуй, только какая-то идея. Не исключено, что это может быть и концепция *ноосферы*. Идея глобализации, однополярного мира, как я уже отметил, изначально ущербна. Не исключено также, что все-таки упомянутые выше гуманоиды к нам когда-нибудь прилетят, и, дай Бог, чтобы они не устроили высшего суда по результатам оценки моральной ценности каждого отдельно взятого землянина.

Наука тоже, следует полагать, не может полностью избавиться от религии, особенно в вопросах новых методов генетики, биотехнологии, медицинских технологий, клонирования, получения генетически модифицированных организмов и т. п. Нужен качественно сложенный синтез, основанный на знаниях моральных норм. Без научного прогресса же дальнейшее существование Земли, выражаясь словами В. Н. Финногенова, *не имеет гарантий*, оно трагично, однако что могло бы произойти с человечеством, если бы оно овладело источниками сверхэнергии (научилось управлять термоядерным синтезом, плазмой и пр.), научилось склеивать любой генотип из существующих фрагментов (генов и лоскутков ДНК), отыскивало наконец-таки неземной разум и позаимствовало у него идеи, знания, философию, технологии и т. д.

В этой ситуации роль ученого и творца-писателя (гуманиста, моралиста, интеллектуала и пр.), выводится на первый план, прозаики (и особенно поэты) больше не могут быть безответственными «бумагомарателями», в перерывах между сочинительством занимающимися употреблением спиртных напитков и поиском очередной «музы». Роль писателя возрастает до космических высот, он больше не может быть голодающим маргиналом, взявшимся за перо от безысходности или по причине желания попробовать себя в чем-то новом ближе к пенсионному возрасту. Творческая работа должна быть сопряжена с каждодневным каторжным трудом не только над текстами, но и над самим собой, иначе как писать о нравственности, если, как стало модно говорить, нет «соответствующих компетенций». Герой нашего времени должен начинаться в самом себе, а потом уже — появляться на бумаге. Создать такого героя по силам только человеку посвященному, глубокому, богатому духовно и интеллектуально, прозорливому, чувствующему других людей, а может быть, даже умеющему читать нечто коллективное из *ноосферы*, из космического информационного поля, человеку, знающему коды и пароли при подключении к «небесному разуму», как фантастично это ни звучит. Настоящее творчество — всегда Тайна.

Из всего этого складывается один большой и важный вывод: героем нашего времени может быть только Гений, который впитает в себя десятки прототипов — ученых, поэтов, сподвижников, гуманистов и т.д. Герой этот должен быть *универсальным*, а с учетом объединения государств в единую планетарную силу он все-таки ни в коем случае не должен быть националистом, нигилистом (такой пример уже был у И. С. Тургенева). Любовь, Добро, Разум — основные благодетели, которые следует отстаивать в своих произведениях, усиливая и облагораживая их в ракурсе современных коммуникаций и возможностей. Новый герой должен быть наделен многими качествами, свойственными для высокоразвитого человека, но он, в силу уже упомянутых обстоятельств деградации и разращения общества, должен как-то пронести свою душевную чистоту и человечность через трагический, «негарантированный» мир. Хотя, может быть, кто-то скажет, что герой нашего времени и вовсе никому ничего не должен: он самодостаточен, как «вещь в себе». Как бы то ни было, в современном романе должно быть несколько главных героев, подчиненных четко выраженным градациям, а возможно, даже идеологиям: абсолютно злой, промежуточный (или промежуточные) и абсолютно добрый, положительный герой. Кроме того, малая проза не обязательно должна вбирать в себя сложные психологические типы и сюже-

ты, философские концепции и только положительных героев. Через образ отрицательного персонажа автор отчасти может ярко показать: *так* или *иначе* поступать нельзя. Современный рассказ, написанный по классической схеме, может излагать какое-то небольшое событие или историю. В этой ситуации, в зависимости от жизненного опыта автора, можно вообще придерживаться принципа «без героя», но в этом случае речь уже идет о лирическом герое, вопросе весьма сложном для современной поэзии с теоретической точки зрения, и чем сложнее и богаче внутренний мир автора, тем сложнее этот лирический герой, тем многограннее и глубже его концептуальные метафоры (подробно о концептуальных метафорах можно прочитать в монографии профессора Л. В. Калашниковой*). Так или иначе, вопросы героя нашего времени и лирического героя пересекаются.

Мной неоднократно делались попытки высказывания сложных вещей в достаточно простой поэтической форме на тему планетарного преобразования и нового Космоса, лирического героя и предназначения литературного творчества. По сути, стереотип «*жечь сердца людей*» тоже в определенной степени устарел, о чем уже было сказано в моем творчестве (слишком часто сердца людей страдают и без поэтического огня, а разрушать — не строить, тем более целую планету). Однако в современной русской поэзии *космизм* встречается крайне редко (стоит вспомнить С. Есенина и его «*Земля — корабль! Но кто-то вдруг...*», вспомнить известного только узкому кругу специалистов ученого и поэта А. Л. Чижевского, автора *гелиобиологии*). При этом современная проза уже не может существовать без объединения усилий по сохранению жизни и совести на Земле, без проблемы сохранения экологии, поскольку от нее напрямую зависит спасение всей планеты (оно, как уже было отмечено, зыбко и сомнительно), без утверждения этического отношения не только человека к человеку, но и ко всему живому и неживому миру.

Именно на человеческом добре зиждется смысл литературного творчества и на том, чтобы донести его до каждого сердца. Впрочем, нет единого мнения о принципах написания ни романа, ни повести, ни стихотворения. На то мы и люди, чтобы отстаивать свое мнение, а новый вид (тип) людей, независимо от названия (*homo noospheres*, *homo morales*), все-таки рано или поздно появится. Вопрос только в том, каковы в этом будут гарантии в связи активизацией литературного творчества и поиска героя XXI века...

**Андрей Шендаков, профессор,
член Союза писателей России, Орел**

НА ПУТИ ОТ ЧЕЛОВЕКА

«Искусство... соткано из хитросплетений диалектически противоположных начал — материального и духовного, рационального и иррационального, объективного и субъективного, логичного и алогичного, сконструированного и сотворенного, рассчитанного и угаданного...»

А. В. Волошинов

Древние математики, открывшие таинственный, влекущий и загадочный мир чисел, надо думать, были бы поражены современной дискуссией об оцифрованном че-

* — Л. В. Калашникова Метафора и когнитивно-дискурсивное моделирование действительности.— Орел, 2008.— 304 стр.

ловеке. Такая мистика им и не снилась в самых божественных откровениях. Неужели пифагорейское учение о числе, направленное к человеку и открывающее его, пройдя многотысячелетнюю историю, собралось в обратный путь?

Или, как писал Л. Н. Гумилев: конец — и вновь начало? Просто, мы на этапе перехода от биосферы к ноосфере. И там уже будет царство разума, отпадут все мелкие и крупные недоразумения. Жаль только жить в эту пору прекрасную... Как-никак, а топтать еще лет восемьдесят-полтораста. И дойдем ли?

А. А. Яшин в своих статьях не раз подчеркивал: *«История человечества... творится по общим законам мироздания, действие которых, особенно в части прогнозтики, человеку знать не дано... и никогда не будет дано»*. Не только двумя руками за это положение, но даже предлагаю ввести в общие законы мироздания. Но тогда откуда уверенность в будущем ноосферного человека? Человечество, как отмечает А. А. Яшин, в своей истории уже не раз мечтало об идеале и подкрепляло мечту очень солидными и убедительнейшими теориями. Человек религиозный, человек социалистический, человек нацистский... Правда, последнего вряд ли можно назвать человеком, но теории были.

Мне нравится учение Вернадского. Убедительная и очень красивая теория — а есть ли лучший критерий истинности? И, думаю, вернее, верю, что ноосферное будущее человечества обязательно настанет. Но не сидеть же, сложа лапки на груди, и не ждать же! Как-то надо жить здесь и сейчас, что-то же надо делать. Собственно этому извечному русскому вопросу и посвящена статья А. А. Яшина «Герой нашего времени» в оцифрованном человеинике», предлагающая широкую дискуссию, затрагивающую самые различные сферы бытия, науки и искусства. Ох, в какое сложное время мы живем! Как бы хотелось чего-нибудь попроще. Но нынче эта несвятая простота спускается разве что на цифруемого всякими сетями человека, а таких уже 92 % (оценка А. А. Яшина). Остальным 8—9% приходится думать и сжиматься сердцем в тревоге не только за отдаленное будущее.

В данной статье хотелось бы поразмышлять о литературных аспектах происходящих процессов. А. А. Яшин считает, что переход в ноосферу начался и его осязаемым признаком является глобализация. Оставив в стороне экономические, административные, религиозные и другие социальные стороны этого явления, в том числе и принудительное оцифрование, попробуем представить, что принесло и несет эта почти неуправляемая стихия русскому языку и литературе. Понятно и миру, но меня, прежде всего, волнует судьбы моей родной культуры.

Единое человечество — единый язык. И мы уже с вами догадываемся, о каком именно идет речь.

Интересно, что в начале социалистической идеи вопрос о едином языке возникал, но понимался как искусственный, сконструированный лучшими полиглотами и лингвистами. В детстве я еще застал кружки эсперанто и даже переписывался. Языки эсперанто и другие, более продвинутые модели, представлялись мне верхом совершенства, вобравшими все лучшее из мировых языков, и, казалось, вот-вот завоюют мир. Не получилось. Более того, попытки эти напрочь забыты и вряд ли к ним когда-нибудь вернуться.

На дворе, крепко опираясь двумя ногами на землю, стоит со всеми своими достоинствами и недостатками совершенно естественный, никем не придуманный и не навязанный, английский. Как мощное средство, а в какой-то мере и цель, глобализации. Пока еще в основном используется в межнациональном общении. Но тенденции очевидны и, ох, недалеко время... Так ирландцы, несмотря на сильные националистические настроения, упорно говорят на английском.

А в русской литературе все чаще появляются обороты типа «Я буду обратно че-

рез полчаса». Или того почище: «Мы взяли рейс на восемь тридцать». Согласитесь, рожденный в русском языке никогда так не скажет, но, прочтя такое и не один раз, может быть, так и заговорит. Или даже начнет мыслить не по-русски?

А может быть, ничего страшного? Не слишком ли сильно наказал Господь строителей Вавилонской башни? Сейчас на Земле бытует около шести тысяч языков и проблемы с пониманием явно существуют. А то — один на всех и никаких недоразумений. И оцифрование пройдет значительно легче.

Почему же мы так отчаянно сопротивляемся любой языковой экспансии? Что бережем? Что так боимся потерять?

Я сказал «мы», объединяя народ. Но, увы, мы далеко неоднородны. И уже немалая часть так называемой интеллигенции, слабо связанной с родной культурой, Советская власть их называла космополитами, с легкостью переходят на иной язык и меняют родину не испытывая особой ностальгии — а что? Родина — это там где мне хорошо. Правда, согласитесь, они и здесь были не слишком своими. (В статье «Нечтение — угроза национальной безопасности», ПЗ № 4 2013 г, автор касался проблемы апатридов).

Но основная часть истинной национальной интеллигенции упорно держится своего языка, своей культуры, своих обычаев — в общем, своего. И, чувствуется, не отдаст ни за какие материальные блага.

Почему? Почему рассматривает незавершенность Вавилонской башни не как наказание, а как божий дар?

Понятно, язык формирует народ, его национальное мышление. Если бы не существовало проблемы перевода, если бы один язык легко укладывался в другой, то особой проблемы введения единого языка просто не было бы. И мыслили бы все одинаково. И литература была бы однородна. Однако проблема существует, и адекватного перевода мы, по всей видимости, не дождемся никогда.

В чем же дело? Почему, не задумываясь, переводим стол — table, а вот *«Куда как весело! Вот вечер: вьюга воет...»* перевести, наверное, так никогда и не удастся. Ну, как вы переведете этот божественный звук «в», позволяющий буквально услышать и ощутить завывание родной зимы?

Еще раз подчеркну: мы касаемся очень широких вопросов, даже целых наук. Но сейчас нас будут интересовать в основном литературные и языковые аспекты.

В любом языке, с той или иной развитостью, литературоведение различает три составляющих с очень широкой амплитудой пересечений.

На первом месте, конечно же, *естественный* язык на котором и производится акт коммуникации. Другими словами тот самый язык, на котором мы с вами разговариваем. Русский, английский, французский... И еще несколько тысяч. И хотя естественный язык, живой и довольно быстро меняющийся, захватывающая тема, задерживаться не будем, интуитивно вроде бы ясно.

Второй вид — *искусственный*. То есть язык созданный человеком для обозначения неких явлений, понятий, построений выделяемых его мышлением. Прежде всего, это язык науки с формулами, аксиомами, леммами, теоремами. Не будем останавливаться и на нем, хотя тема не менее захватывающая. Отметим только, что языки науки всегда и явно стремятся к интернационализации и независимости от естественного. Влияние искусственного языка на человеческий менталитет огромно, но именно в связи с его интернациональностью рассматривать не будем.

И, наконец, самый таинственный и сложный, — *вторичный*, надстраивающийся над естественным и образующий множество смыслов, реализуемых при прочтении в меру знания этого языка. Это язык *художественный*, который может и должен непрерывно развиваться, а мы поспевать его учить.

Но как учить язык, существующий только в нашем воображении?

Прежде всего, каждому следует убедиться, что он существует. Ибо умеющий читать на естественном языке не испытывает особой недостаточности, так как *содержание* прочитанного более или менее уясняет. Но содержание можно передать куда короче, чем это делают писатели. Как-то в интернете наткнулся на пересказ «Илиады» Гомера — что-то около странички. Так стоит ли читать утомительно-однообразные гексаметры? И «Войну и мир» можно одолеть минут за пять-семь.

Но у прочитавшего оригинальное произведение никогда не возникает вопрос, зачем он это сделал. Более того, он чувствует себя куда богаче, чем был. А вот тот, кто ознакомился с содержанием, такой вопрос себе вполне может задать — ну, и на кой черт мне все эти одиссеи с илиадами? Разве что в разговоре блеснуть...

Особое значение приобретает вторичный язык в поэзии, с которой начинается литература, да, пожалуй, и все искусство. В стихах приобретает значение каждое, даже самое незначительное слово и может переиначить *содержание* стихотворения даже на противоположное. Недаром сказано — для прозы слово средство, для поэзии — цель. Поэзия — школа и лаборатория слова. И не прошедшие эту начальную и одновременно самую высшую школу вряд ли глубоко проникнут в художественный язык.

Попробуем привести пример. Е. Баратынский:

*Недаром ты металась и кипела,
Развитием спеши;
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа!*

*И тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под веяньем возвратных сновидений
Ты дремлешь: а оно*

*Бессмысленно глядит, как утро встанет,
Без нужды ночь сменя,
Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,
Венец пустого дня!*

Центром стихотворения безусловно является незначительное в обычной речи неопределенное местоимение «оно». Первым, насколько я понимаю, обратил внимание на это потрясающее *оно* Е. Эткинд («Материя стиха»).

На примере стихотворения наглядно видно, что без вторичного языка не поймешь и первичный, то есть не прочтешь и содержание стихотворения. В самом деле — что значит *оно*? Что *оно*? А ведь Баратынский применил, по-моему, все средства выделения этого слова в стихе. *Оно* и акцентированная рифма, и отделено от следующей строфы двойной паузой — концевой и межстрочной, и, поскольку в русском языке безударное *о* читается как *а*, приходится делать паузу и впереди — иначе *а* сольются. Кроме того, в нарушение синтаксического и смыслового единства строчек всего стихотворения, здесь предложение ломается и переносится даже не на следующую строчку, а в следующую строфу.

Так что же это за *оно*? Придется внимательно перечитать и, может быть, не один раз. И откроется.

Поскольку в предыдущей строфе противопоставлены душа и тело, а тело средне-

го рода, то очевидно, что *оно* это тело. Но местоимение отстоит от существительного почти на пять строк и за это время начинает жить уже самостоятельно, вбирая в себя множество значений, вплоть до фрейдистских. Противопоставленное обращением «*ты*» к душе, *оно* приобретает и пренебрежительный и отстраненный характер, почему и затрудняет мгновенное понимание. Становится понятен и трагический разрыв между плотью и духом, так характерный для нашей поэзии, и бессмысленность жизни тела после смерти души уже свершившей свой подвиг в подлунном мире, то есть прожившей земную жизнь.

Оставим читателю прочтение этого стихотворения. Художественный язык есть совместное творчество писателя и читателя и смысл стихотворения всегда индивидуален. И читателю совсем необязательно вдаваться в тонкости литературоведения. Развитый читатель поймет и выделение, и акцентирование, и самые глубокие чувства и мысли. И испытает ни с чем несравнимое наслаждение.

Нам сейчас важно понять, что вторичный язык существует и составляет основу национального мышления и речи. Я совершенно не представляю, как можно перевести Е. Баратынского, скажем, на английский, вообще не знающего родов.

Чтобы понимать язык его надо знать. Как же быть с художественным? Выучить его нельзя, но понимать можно. Для обычного читателя — если таковой бывает; чтение всегда индивидуально, а значит и уникально, — этот путь познания начинается с «Мойдодыра», «Дяди Степы», Агнии Барто и, постепенно усложняясь, продолжается всю жизнь. Тот, кто заразился чтением — лучше в детстве, но не поздно никогда, — любовью к нему компенсирует многие незнания. Кстати, большинство в той или иной мере обращаются к критике и литературоведению хотя бы на уровне предисловий и послесловий, расширяя свое понимание. И, как сказал кто-то из великих, находят в литературе друзей в пространстве и времени.

Однако с художественным языком не все так просто. Соавторство читателя делает его трудноуловимым. Каждый понимает по своему и, естественно, высказывается на том или ином уровне — на кухне или в журнале «Вопросы литературы». Иногда различие даже высочайших читателей столь огромно, что даже как-то и не верится.

Приведу пример довольно резких мнений, высказанных такими корифеями как Владимир Набоков («Лекции по русской литературе») и Иосиф Бродский («Катастрофы в воздухе»). И тот и другой касаются таких, казалось бы, незыблемых авторитетов как Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский.

Толстым В. Набоков восхищен. Изысканной метафорой с внезапным раскрытием штор и ярким освещением аудитории, Лев Николаевич буквально становится светочем русской и мировой литературы, с чем трудно не согласиться.

А вот Федор Михайлович... Набоков решительно требует считать романы Достоевского детективами, иначе он с нами и разговаривать не хочет. И в дальнейшем всемирно известный и признанный писатель предстает не слишком умелым с мрачным христианством и какой-то неудобоваримой философией. Вот вам и художественный язык, который в таком разборе уходит куда-то за пределы произведения. Я даже кинулся перечитывать «Бесы» — неужели так ошибался? Но через пару страниц отлегло — необыкновенная проза захватила вновь.

Не будем спорить с литературоведом Набоковым, но будем с его мнением считаться — все-таки, прежде всего, Владимир Владимирович большой и оригинальный писатель, классик двух литератур — русской и английской, и после его лекций мы глубже пойдем его собственную прозу. Остановимся только на одном моменте его построений.

Мне кажется, что В. Набоков путает литературный прием с литературным жанром. В детективе главное все-таки расследование, которое у Достоевского присутст-

вует фактически формально. Ну, какое расследование ведет Порфирий Петрович? Он даже и не пытается доказать, что Раскольников убийца. Нет, Порфирий Петрович скорее не следователь, а мудрец, философ, помогающий Раскольникову встать на путь очистительных страданий.

Даже в наиболее «детективном» романе «Братья Карамазовы», в котором убийца обнаруживается в самом конце, вдруг оказывается, что вся эта фабула лишь антураж, а главное все тоже — очищение через страдание. Набокову мешает острота фабулы, но в тех же лекциях он говорит, что настоящее чтение — перечитывание. Очень точная и мудрая мысль. А романы Достоевского хочется перечитывать, даже хорошо зная, чем все кончится. Вряд ли вы еще раз возьмете в руки детектив, с первых строк зная убийцу.

В. Б. Шкловский отмечал, что литература есть сумма приемов. И путать жанр с приемом довольно опасно. Так можно объявить «Золотой осел» Апулея, «Гамлет» Шекспира, «Фауст» Гете фантастикой или даже фэнтези. Представляете, вы покупаете «Мастер и Маргарита» в серии «Сто лучших фантастов мира»! Каково будет ваше читательское ожидание? И так ли вы прочтете книгу?

Но мы отвлеклись. Итак, по Набокову Толстой это хорошо, а Достоевский...

Иосиф Бродский совершенно противоположного мнения. Его не устраивает реализм Толстого как ведущий литературу явно не в том направлении, которое видится Бродскому. И очень сожалеет, что русская и советская литература следует в основном за Толстым: «Она пошла вниз по извилистой истоптанной тропе миметического письма и через несколько ступеней — через Чехова, Короленко, Куприна, Бунина, Горького, Леонида Андреева, Gladкова — скатилась в яму социалистического реализма».

А вот по трудному пути бездонного языка Достоевского, считает Бродский, пошел разве что один Андрей Платонов. Я с юности восхищался и «Котлованом», и «Чевенгуром», и «Рекой Потуданью», но никогда в голову не приходило противопоставлять Платонова Чехову и Бунину. Они разные, но все гениальные. Опять-таки не следует судить один жанр с точки зрения другого. Автор сам устанавливает правила своего произведения. Воля ваша принимать их или нет, но отрицать?

Но мы опять отвлеклись. Да можно ли не отвлекаться, говоря о любимом предмете, составляющим значительную часть человеческой жизни!

Итак, я попытался доказать то, что давно и хорошо всем известно — художественный язык существует, хотя воспринимается, как мы видим очень по-разному. И что он глубоко национален, так как развивается на естественном языке народа, создавшего собственную литературу. Обратным ходом вторичный язык возвращается в естественный, меняя и обогащая и наше мышление, и лексику, и нашу речь. И это происходит не только при чтении родных книг, но и зарубежной литературы в переводе или оригинале. Постоянное сравнение с национальным опытом значительно расширяет и обогащает собственный язык — как естественный, так и вторичный. Другими словами знание иностранных языков и литературы еще никому не повредило.

Но как быть с разночтением?

Дело усугубляется еще и тем, что все писатели пишут по-разному, если не считать эпигонов и графоманов. Критикам ужасно хочется все многообразие привести к какому-то знаменателю и выделить что-то общее, позволяющее сопоставлять. Обычно дело сводится к *методу*. И вдруг совершенно обоснованно оказывается, что в те или иные времена господствовали классицизм, романтизм, реализм, критический реализм и так далее сменяя друг друга. В настоящее время А. А. Яшин в ряде статей призывает к *новому критическому реализму*, на смену социалистическому. Трудно не согласиться с этим предложением. Я даже никаких альтернатив в настоящее, очень противоречивое, время просто не вижу.

Но одно дело критик, пишущий по уже написанному, а другое — писатель перед чистым листом.

Безусловно, писатель должен глубоко разбираться в процессах, происходящих в литературе и жизни и, уж конечно, знать и понимать методы писаний, их историзм и насущные требования времени. Но писать должен только то, *что* хочет и *как* может, то, что его глубоко волнует и как он ощущает трение собственной души о время. А что получится... Тут уж будут рассуждать читатели и критики. И если писатель в наше время написал от души, то я уверен, с удивлением или без обнаружит, что писал именно методом критического реализма, который до написания должен был хорошо понимать. И писания его будут исключительно национальны, на том самом вторичном языке, свойственным русской литературе. Все это он должен *знать*, но заранее задаваться методом, темой, стилем никак не может. Что уж получится... Более того, написанное должно быть неожиданностью не только для читателя, но и для него самого.

Свидетельством сказанному является переписывание, а то и неоднократное.

Блез Паскаль хорошо сказал: «Только кончая задуманное сочинение, мы уясняем себе, с чего нам следовало его начать». И Пушкин в конце своего бессмертного романа признавался: «И даль свободного романа / Я сквозь магический кристалл / еще неясно различал».

Тут читателю следует разобраться, с каким писателем и с каким произведением он имеет дело, иначе художественный язык может быть неправильно воспринят. Разговор идет о профессионализме. Не в том смысле профессионал или любитель перед ним, это-то как раз определить не слишком сложно — достаточно прочесть несколько страниц. Речь о разнице между самыми серьезными писателями.

Слово «профессионал» звучит солидно и симпатично. То есть автор знает свое дело и ему можно доверять. Но в искусстве не все так просто.

Первое определение профессионализма я получил весьма комичное, но характерное для тех времен. В самом начале девяностых в Москве (я тогда жил на Украине, в Донецке) были опубликованы мои стихи. Для провинции это событие, и один член Союза советских писателей откликнулся местной достаточно благожелательной заметкой, но которая начиналась так: «В то время, когда даже нам, профессионалам, редко удается опубликовать хотя бы несколько строчек...» Я кинулся к телефону: «Ты что же, не считаешь меня профессионалом?» И получил чеканный ответ: «Но ты же за это деньги не получаешь!» Сегодня, когда большинство серьезных писателей не только не получают, но еще и выкладывают свои, по данному определению профессионалов будет довольно трудно отыскать.

Но если говорить серьезно, следует различать профессионалов и художников, весьма ответственно относящихся к своему труду. В чем разница? Профессионал знает, *что надо писать и как надо писать*. А вот художник не то чтобы совсем не знает, но сильно сомневается и «даль свободного романа» ему видится в довольно «смутном сне». Тема эта восходит к Белинскому, который еще в 1845 году сетовал, что в русской литературе «больше гениев, нежели талантов», а таланты, читай профессионалы, «имеют большое влияние на толпу». Уверен, что литературе нужны и те другие, но различие все-таки делать надо.

Мы сильно отвлекались, но все-таки основная мысль прослеживается — естественный и художественный языки — именно вкупе! — самым существенным образом определяют национальное мышление. Особенно важно осознать это нам, которым русский язык родной. В нашем народе литература, начиная с Ломоносова, а то и ранее, всегда занимала особое и очень значимое место, по большей мере определяя и менталитет, и политику, и даже экономику. Да что там говорить — революции делала!

Но занимает ли сейчас? Увы, интерес к чтению стремительно падает. Мы уже далеко не самая читающая страна мира.

Думается, что снижение объема чтения современным человеком процесс естественный, и я совсем не призываю вернуться в советские времена. Появились многопрограммное телевидение, интернет, разнообразные игры — да мало ли чего. Но, по всей видимости, существует некоторый предел снижения чтения, ниже которого нельзя опускаться. Вначале было Слово, оно же остается и сейчас и на все времена. Без художественного слова упрощается и огрубляется речь, что мы уже наблюдаем особенно у молодежи, и, конечно же, снижается мышление.

Но причем здесь глобализация и оцифрование? — спросите вы, вспомнив начало статьи. Думается связь здесь есть и, может быть, более глубокая, чем кажется на первый взгляд.

Нас, конечно, будет интересовать, как глобализация касается России. Держа в уме политические и экономические стороны процесса, сосредоточимся на гуманитарных процессах ибо, по моему глубокому убеждению, именно искусство определяет процветание, а не экономика. Бытие, безусловно, определяет сознание, но прежде все-таки сознание определяет бытие.

Для меня процесс осознания глобализации начался с одной передачи радиостанции «Свобода» в перестроечные годы, когда мы слушали уже без идеологического глушения. Я не поверил своим ушам, когда приятным и радостным баритоном Борис Парамонов во всеуслышание заявил «Русская литература умерла!».

До этого заявления я привык слушать, даже через завывания глушилок, «Свободу» как носителя свободного слова, никак не связанного с идеологией. Парамонов заставил задуматься и многое пересмотреть.

Здесь невозможно не коснуться политики, но что поделаешь, литература давно стала общественным явлением, и она, и ее затрагивают все стороны человеческого общежития.

Противостояние Запада и России наблюдаем уже лет пятьсот и в основном в одностороннем порядке. Россия, во всяком случае, на Запад не напирает. Более того, так уж устроена Россия, таков ее вековой менталитет, что вбирается все лучшее, предлагаемое другими народами. При этом все мгновенно становится русским. А. А. Яшин отмечает, что русская литература началась несколько позже западной и что ей не привыкать и догонять, и перегонять. Но никогда серьезная русская литература не подражала. Говоря о М. В. Ломоносове, первом нашем поэте, Н. В. Гоголь («В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность»), отмечая, что Ломоносов «В попытках занял у соседей немцев размер и форму, какие у них на ту пору случились...» Но! «Изумительнее всего то, что, заключив стихотворную речь свою в узкие строфы немецкого ямба, он ничуть не стеснил языка...» и даже: «Изумительно то, что начинатель уже явился господином и законодателем языка». Русского литературного.

Запад же не всегда, мягко говоря, адекватно воспринимает русскую культуру и русский народ. Почему? Ответ мне, мне кажется, не лежит в плоскости геополитического положения России, ее просторах, неисчерпаемых ресурсах и тому подобное, хотя все это имеет огромное значение, в том числе и для формирования менталитета российских народов. Не лежит он и в плоскости веры. Все это поводы. Прежде всего, Запад всегда ощущал: мы не такие, как они. Причем это отличие настолько непонятно, что порой воспринимается как угрожающее. Конечно, Запад не однороден — французы не немцы и не англичане, а те в свою очередь не американцы, хотя их и породили. Однако различия между ними не носят непроходимого характера — так, обычаи, ритуалы, некоторые особенности ландшафта и так далее. В основном, несмотря на неизбежные противоречия, они друг друга понимают. А вот русских — не всегда. И виновата здесь культура или, если хотите, *художественный язык и мышление* народа.

Тема эта слишком сложна, обширна и противоречива, чтобы обсуждать в данной статье. Остановимся на способах этой непрестанной борьбы.

В принципе способов два: силовой — разрушение, насаждение своих порядков, культуры, веры и так далее, — и идеологический, то есть разрушение изнутри. Силловые попытки были, но явно провалились — Россия становилась только крепче. А вот попытки решительно повлиять на нашу культуру и наше мышление не прекращались никогда. При этом Запад применяет двойственную тактику — общение на высшем уровне и воспитание собственных народов и нашего. На это, по-моему, первым, обратил внимание поэт и дипломат Ф. И. Тютчев в статье «Россия и Германия», писанной по-французски в Мюнхене в 1844 году. Статья Тютчева ныне полузабыта, вспоминается разве в связи с наследием великого поэта — а жаль! Размышления, на мой взгляд, совершенно не потеряли актуальности.

Тютчев отмечает: «...вот два направления, вполне противоположных (разъединение очевидно и возрастает ежедневно): с одной стороны, у вас государи, правительство Германии, с их строгою обдуманною политикою, с их определенным направлением; с другой, этот второй владыка нашего времени — общественное мнение, которое склоняется туда, куда влекут его ветры и волны». И куда же? «То государство, которое великое поколение 1813 г. приветствовало с благодарным восторгом... удалось с помощью припева, постоянно повторяемому настоящему поколению при его нарождении, почти удалось, говорю я, эту же самую державу преобразовать в чудовище для большинства людей нашего времени, и многие уже возмужалые умы не усомнились вернуться к простодушному ребячеству первого возраста, чтобы доставить себе наслаждение взирать на Россию, как на какого-то людоеда...»

Эта политика продолжается до сих пор и, надо признать, довольно успешно. На удочку попадают и наши либералы, и наши руководители. Разве Советский Союз развалился только из-за цен на нефть, низкой производительности труда и других экономических показателей? А не прежде ли всего потому, что Горбачеву ужасно нравились «дружеские» отношения с западными лидерами, похлопывания по плечу и одобрения типа «рус карашо»? А население так и продолжает относиться к нам как к дикарям.

Бог бы с ним, с Западом, пусть бы резвился, сочиняя о нас дикие мифы и легенды, не брезгуя самым откровенным враньем. Чем бы дитя (недаром Тютчев говорит о «возмужалых умах», вернувшихся к «простодушному ребячеству») не тешилось, лишь бы не воевало. Но ужас заключается в том, что это «ребячество» находит довольно многочисленных сторонников внутри России! Очень даже желающих покончить с непонятным им *художественным языком*, с нашими гениями и обратиться к западным «талантам». И вот — наконец! — «Русская литература умерла!» А ведь если наша умерла, то какая-то осталась? Какая?

Не будем обращаться к вековому противостоянию западников и славянофилов. Тема видимо никогда не исчерпается, если только запад не победит. В этом противостоянии, как мне кажется, ни те, ни другие не стяжали себе особой славы. Западники понятно почему, а вот славянофилы... Обратимся еще раз к статье Тютчева: «Что же касается... до так называемых защитников России, то они, конечно, искренние, ... но они уж слишком просты...» Федор Иванович считает: «Истинный защитник России — это история; ею в течении трех столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которыми подвергает она свою таинственную судьбу».

В последней цитате очень примечательно неупоминание Запада — всем испытаниям Россия *сама* «подвергает свою таинственную судьбу». И я не склонен видеть в наших литературных и не только бедах, сложных и тяжелых перипетиях нашего времени, «происки Запада», искать «агентов влияния», «пособников» и тому подобное. Не лучше ль на себя оборотиться?

Давно пал «железный занавес», Россия не изолирована, границы открыты, и мировые процессы глобализации не могут нас не затрагивать. Мы уже понимаем по-английски, привлекаем инвестиции, гранты и в какой-то степени интегрируемся в Европу. Но в том-то и дело, что Европа не примет нас такими, *как мы есть*, а только если мы станем такими, *как они*, и если с отличиями, то не больше чем французы от англичан. Разговор не об экономике — пусть интегрируется, глобализируется и, главное, поднимается до передовых; будем только приветствовать, — а об искусстве и, прежде всего, о литературе, ибо поэзия в основе всего. Можем ли мы пойти на глобализацию нашего искусства? Ответ на этот вопрос ох как не однозначен и требует глубоких размышлений. На любом пути мы что-то выигрываем и что-то проигрываем.

Не секрет, что наша литература уже неоднородна. Есть писатели, облаканные на Западе, и есть не слишком известные в своей собственной стране, несмотря на довольно качественные тексты. Трудно смириться с тезисом о смерти русской литературы, но то, что она больна практически очевидно. О чем свидетельствуют и дискуссии, проводимые «Приокскими зорями».

Трудно, очень трудно поставить диагноз нашей больной, ибо болезнь явно не одна. Но попытаемся хоть с чем-то определиться.

Прежде всего, вопросы, поднятые А. А. Яшиным в теме дискуссии о сбрасывании Пушкина с парохода истории. Просто удивительно, сколько «доброхотов», а вернее, злопыхателей муссируют эту тему. Чего стоит только «Перпендикуляр» Веллера! Мажутся грязью личности наших гениев, подвергаются унижению великие тексты. Например, безапелляционно утверждается, что в пьесах Чехова ничего не происходит. Чтобы не повторяться сошлюсь на свою статью «Перпендикулярная плоскость Веллера» («Московский Парнас» № 6, 2013 г.), в которой я попытался разобраться в этом «перпендикулярном» литературоведении. Замечу еще, что кроме Веллера «сбрасывателей» хватает. Очень опасная тенденция, расшатывающая основы и традиции русской литературы. Практически разрешающая молодому поколению не только не читать классику, но и не стыдиться этого.

Очень тяжелое положение складывается в нашей поэзии, атакуемой с разных сторон.

Борьба с поэзией ведется со дня ее появления противопоставлением прозы как естественного языка. Слова, загнанные в определенный формальный порядок, у некоторых порождают, как у Штирлица, идиосинкразию к рифме. Отрицательно высказывались даже большие прозаики. Например, М. Е. Салтыков-Щедрин считал, что писать и читать стихи также неестественно как приседать на каждом четвертом шаге. При этом фаршированная голова или премудрый пескарь казались ему в литературе совершенно естественными.

Не будем вмешиваться в этот вековой спор. Тем более что он носит несколько схоластический характер. И сам Салтыков-Щедрин писал стихи, прежде чем понял, что это не его. Но школу слова прошел, и поэтика присутствует на каждой его странице.

Обратимся к дню сегодняшнему.

С одной стороны наша поэзия атакуется верлибром. Тут мы еще раз отвлечемся и попробуем почувствовать разницу между верлибром и русским свободным стихом. Конечно же, я хорошо понимаю, что верлибр в переводе и есть свободный стих, и чтобы избежать тавтологии снабдил определением «русский».

Русский свободный стих у нас всегда воспринимался как неотъемлемая часть всей поэзии, сохраняющей ее достижения. По Лотману в белом стихе отсутствует рифма там, *где она должна быть*, а в свободном стихе отсутствуют метр и рифма опять-таки там, *где они должны быть*. То есть русский свободный стих существует на фоне и в глубокой связи с рифмой. При этом внимательное чтение обнаружит и скрытый метр,

и — главное! — звук. Достаточно почитать Блока, или «Град на Первой Мещанской» Арсения Тарковского, или шедевр Михаила Кузьмина «Александрия».

Верлибр же понимается как отрицание рифмованной поэзии, как нечто, существующее отдельно от нее. Другими словами отрицающее вековые традиции, как бы начинающее на голом месте. А в таком случае отсутствуют какие-либо обоснованные критерии оценки и восприятия. Хорошо или плохо? Решают сами верлибристы и критики. И, пожалуй, главное, — а кто так не умеет? Особого таланта вроде не требуется, разве только наглость и умение толкаться локтями. Верлибр прекрасно переводится на любые иностранные языки и Западом очень даже одобряется.

Но верлибристские наскоки, я думаю, русская поэзия выдержит, уж больно прочна ее основа.

Более серьезная опасность — так называемые «пародии», начавшиеся еще в шестидесятые годы. Телевизионно-эстрадные номера, вышучивающие неудачные, или показавшиеся таковыми, строчки неизвестных стихов и никакого отношения к собственно пародии не имеющие. Зачинатель этого жанра Александр Иванов, весьма, кстати, остроумный человек, придумал «пародии с эпиграфом». Чтобы читателю было понятно, что вышучивается, ибо стихи, как правило, неизвестны. Но пародироваться должны, прежде всего, стиль поэта, образность, звучание. И, в общем-то, пародия не обязательно должна быть смешна, хотя комизм, конечно, усиливает эффект. Великая школа русской пародии развивала именно этот путь и достигла немалых успехов. Вот, например (Б. Кежун):

*Спит Земля и силы копит
чтобы были у нее.
Спит различное млекопит-
ающееся зверье.*

Читатель мгновенно узнавал стиль Николая Заболоцкого, который пародист довел до гротеска с целью обозначения его пределов. И никаких эпиграфов не требовалось — знаменитое стихотворение знали все.

Для того чтобы пародировать стиль он должен быть. Как некий шаг в литературном процессе. Как же можно пародировать то, чего нет. Можно только смеяться...

Я был бы совершенно не против этих, порой очень остроумных шуток. Опасность заключается в том, что читатель привыкает смеяться над стихами, которые *не читал*. А это перекидывается на отношение ко всей поэзии. Это тоже инструмент глобализма, ибо умерщвление русской поэзии его цель.

Но и «пародии», и насмешки русская поэзия, думаю, тоже выдержит.

Главная опасность идет со стороны огромного и жуткого, практически не контролируемого потока стихотворного, и уже не только, графоманства, грозящего просто смыть поэзию. Слом советской системы открыл свободу печати и за свой счет или спонсоров появилось море печатной продукции массового читателя не имеющее, но заполняющее библиотеки, различные «литературные» объединения, кружки и тому подобное.

Да, советская печать была в тисках цензуры, литования и прочих рогаток на пути к читателю, и пробиться могли не слишком многие. И слава Богу, что эта система канула. Но кроме идеологической цензуры была и негласная цензура самих писателей — *мастерства*. То есть планка была поднята достаточно высоко, и ниже которой не опускались. Вот исчезновение этой «цензуры» просто беда.

Замечательный поэт Андрей Вознесенский в очень давней статье в «Литературной газете» насчитал в Советском Союзе что-то около миллиона любителей поэзии. Думаю, что поэт немного преувеличил, но имел в виду любящих и умеющих *читать*. Сегодня же миллион, если не больше, любителей *писать*. При этом очень не многих

из них можно назвать любителями поэзии. Вдруг оказалось, что писать значительно легче, чем читать. В конце концов, на поверхностный взгляд техника стихосложения не слишком сложна и доступна каждому грамотному человеку. А поскольку формальное объединение строчек всегда порождает дополнительный смысл, восхищению собой нет предела. «Вот стоит стол, Он опирается на пол...» — нет, ну как я сказал! И пишут, и пишут, и пишут... И печатаются.

И. Бродский говорил, что должен знать всю мировую поэзию, чтобы хотя бы не повторяться. Слова Бродского не следует понимать буквально, то есть прочитать все. Именно мировой поэзии не так уж и много, и ее обязан постичь тот, кто посвящает себя священнодействию. Должен же стихотворец знать и понимать, что до него были Данте, Пушкин, Блок, Пастернак, Рубцов. И что он просто обязан найти, пусть и неширокий, пусть совсем узенький, но свой путь, открыть себя.

К сожалению графоманство поощряют и литературные начальники. Несколько лет назад в каком-то телевизионном ток-шоу один редактор «толстого» журнала заявил: «В русской литературе сейчас около 15000 хороших поэтов. И каждый год появляются штук триста новых». Но что такое «хороший поэт» не пояснил. Видимо не делающий грамматических ошибок и умеющий считать слоги. Очень хотелось бы спросить у этого редактора — может ли быть собрание огромного количества редкостей? Поэт редчайшее явление, в чем нас убеждает собственная и мировая история и потому так ценно это звание. Еще Платон писал: «Поэт — существо легкое, крылатое и священное; и он может творить только тогда, когда делается вдохновенным и иступленным и не будет в нем более рассудка...» Многие ли обладают этими качествами? А когда стихи не пишет только ленивый, а может быть именно ленивый и пишет от нечего делать, то и читатели, и критики перестают отличать ничтожное от великого. Недаром подборки стихов называют братской могилой.

Этот чудовищный поток представляет серьезную опасность и не стоит его недооценивать. Здесь мы сталкиваемся не столько с глобализацией, а с «оцифрованным человеешником», собственно тоже порождение глобализации.

Можно разобрать еще множество симптомов болезни нашей литературы, но достаточно. Вернемся к главному вопросу — так допускать глобализацию в нашу литературу или охранять ее?

Боюсь, что от нашего с вами мнения мало что зависит. Жизнь бурлит и стремительно куда-то движется. Или катится. Остается уповать на слова Тютчева, что «Истинный защитник России — это история». Но историю творим мы сами и каждый должен сделать свой выбор.

Лично я свой выбор сделал давно. Я люблю русскую литературу, мне дороги ее традиции и достигнутый ею высочайший уровень. И думаю, что я не одинок. И никакая глобализация нас не переубедит. В конце концов, лет восемьдесят-полтораста еще есть. Русская литература всегда была направлена к человеку и «чувства добрые» в нем лирой побуждала. Сейчас, как мне кажется, она поворачивает на путь от человека, побуждая совсем другие чувства. Может быть, временно?

И закончить мне хотелось бы, как и предыдущую статью «Бумажная душа, компьютерное тело...», призывом А. А. Яшина, приобретающим в свете сказанного глубокий смысл:

«...Пока есть возможность, (выделено мной) уважаемые авторы и читатели, сохраняйте и вы ценности традиционной художественной литературы».

***Иосиф Рухович, член Союза писателей России,
академик Академии российской литературы,
Томилино Московской области***

«ЕСТЬ О КОМ ПИСАТЬ, БЫЛО БЫ КОМУ»

На одной из состоявшихся в ушедшем году встреч Владимира Путина со студентами, президенту из зала был задан такой вот вопрос: «Как вы считаете, стране сегодня нужны герои?» Ну, казалось бы, вопрос, как вопрос, ничего особенного. Президент, конечно же, ответил на него, как посчитал нужным, и продолжил диалог с молодежью на другие темы. Однако если хоть немного вдуматься в смысл вопроса, остается ощущение, прекрасно иллюстрируемое фразой из гайдаровского «Мальчиша — Кибальчиша»: «И все бы хорошо, да только что-то не хорошо». А что, собственно, тут нехорошего? С чего это аз грешный вдруг прицепился к реплике студенческой? А с того, уважаемые, что такая постановка вопроса и является, на мой взгляд, яркой иллюстрацией того самого «оцифрованного» или утилитарного мышления, о котором, в частности, идет речь колонке уважаемого главного редактора. Сразу оговорюсь, что тот, кто сию фразу изрек, ни в чем не виноват. Нынешние студенты — вчерашние дети, наши с вами дети, их жизнь сегодня — результат наших вчерашних «стараний», и, обвиняя их в чем-либо, мы автоматически предъявляем иск себе самим. Да и вообще, обвинять молодое поколение в некоей деградации не порядочно. Поэтому оставим наших детей, в том числе и студентов, в покое. Их образ мышления — продукт нынешнего времени. Но насколько же утилитарна сама конструкция реплики! И в самом деле, ведь она предусматривает как положительный, так и отрицательный ответы. И в случае последнего получается, что все самоотверженные поступки, совершаемые в повседневной жизни обычными рядовыми гражданами — дурь и блажь, не более. И слава Богу, что независимо от того, нужны государству такие люди или нет, их появление обусловлено самой жизнью, в реалиях которой человеку практически ежедневно приходится совершать морально-нравственный выбор по самому широкому кругу вопросов.

И хорошо, что это именно так, а не как-нибудь иначе. Ибо злосчастный вопрос можно и должно однозначно перефразировать: «Должна ли страна (точнее, всетаки,— государство!) создавать героев, нужных для достижения тех или иных целей?» Только так и никак иначе. Вот об этом спрашивать — еще куда ни шло. Таковых символических образов в свое время было создано немало, но эта тема, достойная отдельного разговора, а возможно и отдельного исследования, выходит за рамки данной статьи. А мужественные, смелые, благородные, сострадательные и просто добрые люди, вне зависимости от пола и возраста были, есть и будут, желает официальная власть того или не желает, нужны они ей или не нужны. Но образ мыслей множества современных людей уже построен так, что на первое место среди критериев оценки любого процесса, явления или конкретного шага, выходит «нужность», а точнее — целесообразность.

Вот ведь словечко! Сколькое такое, длинное, свистящее. Червяк белесый мне при его произношении представляется. Отчего? Да оттого, что прагматизм — дело конечно хорошее, но не до такой же степени! Понятно и бесспорно, что спасением людей, в частности, должны заниматься профессионалы! И пользы от действий специалистов больше! Но ведь бывают ситуации, когда любое промедление смерти подобно, когда счет идет на минуты, если не на секунды. Или самое разумное — снимать «горячее» видео на мобильник, оставаясь в остальном сторонним наблюдателем, а потом выкладывать ролики на You Tube? И в самом деле, никакой целесообразностью не измерить подчас конкретные действия конкретных людей: местных жителей, спасавших пассажиров самолета, упавшего в петрозаводском аэропорту «Бесовец», ивановских байкеров, бросившихся без раздумий на выручку жителей жилого дома, охваченного пожаром, семилетнего мальчика, спасшего, ценой собственной жизни, свою еще более малолетнюю сестру от рук грабителя и маньяка, де-

вятнадцатилетнего пограничника Жени Родионова, отказавшегося отречься от православной веры и принявшего мученическую смерть в плену от рук бандитского отребья во время войны в Чечне... Примерам этим несть числа, и никакой необходимостью государственной этот героизм не обусловлен. Слава Богу, доблесть и мужество, самопожертвование и отзывчивость, и еще множество благородных черт, свойственны нашим людям по-прежнему. И меркантильные расчеты, и резоны тут бессильны. И потом, даже во время оно т.е. когда так называемые «герои» могли быть, и порой бывали, очень даже «заказными», настоящие, тем не менее, появлялись вполне спонтанно, без руководящих указаний соответствующих партийно-советских структур.

Ведь не по указке горкома КПСС трижды спасал попавших в беду тот же Шаварш Карапетян, человек воистину героической биографии, и на горной дороге из Цахкадзора в Ереван, и на Ереванском водохранилище, и в спортивно — концертном комплексе столицы Армении. Конечно, неоднократный чемпион и рекордсмен мира по подводному плаванию всегда очень вовремя оказывался на месте трагедий, но ведь на то была, если угодно, воля Божья, и очень здорово, что именно такой профессионально тренированный человек помогал терпящим бедствие. Но это нисколько не умаляет заслуг Шаварша Карапетяна, проявившего лучшие качества души человеческой в столь внезапных и трагических обстоятельствах.

Однако, если честно, я вовсе и не об этом хотел говорить. Каюсь, намеренно утрировал рассуждения, сгустил краски. А все ради того, дабы понятно стало, что в любой исторический период, невзирая на происходящие коллизии, и даже — на отсутствие таковых (если сие возможно!), «герой нашего времени» объективно существует и в обыденной жизни присутствует. И зачастую он, такой вот «герой нашего времени» вовсе ничего экстраординарного не совершает. А приведенные выше размышления — лишь попытка проиллюстрировать действительно утверждающийся все более способ «оцифрованного» или утилитарного мышления и его абсолютной беспомощности при необходимости осмысления и обобщения того или иного явления, происходящего в человеческом обществе. И ведь, что интересно, подобный образ мысли отнюдь не прерогатива молодежи. Он распространен сейчас независимо от возраста и социального статуса. Можно развести руками, мол, «о времена, о нравы», и успокоиться. Но лучше все-таки попытаться разобраться в том, что и почему с нами происходит. Но прежде считаю нужным еще раз оговорить вот что: литературный «герой нашего времени», о коем у нас пойдет речь в дальнейшем, чаще всего разительно отличается от человека, совершившего некий героический поступок. Совпадения вполне возможны, правомерны, но, увы, совершенно не обязательны. Это уточнение необходимо как раз по причине господства утилитарного мышления, дабы меня не понимали буквально, ибо терминология — штука коварная и путаница в ней грозит участникам любой дискуссии взаимной глухотой.

Как-то раз, в разговоре с приятелем я, было, начал произносить невинную фразу: «Помнишь, как сказал Сократ...» Закончить мне не удалось, ибо товарищ мой тут же переспросил: «Кому сказал?» Вот так, — что произнес Сократ, его не интересовало, важнее оказалось, кому именно сия реплика была адресована. Налицо еще один пример абсолютно утилитарного образа мысли. Только данный диалог состоялся не вчера, а в довольно уже далекие восьмидесятые годы прошлого века. И ничего удивительного в этом нет. Меркантильность и утилитарность, а также, если угодно, излишняя предметность мышления в той или иной степени, были свойственны людям во все века и времена. Оно бы и ладно, в конце концов, каждый вправе по тому или иному поводу мыслить, подобно Конкордии Ивановне Монахиной из романа В. Пиккуля «На задворках великой империи». Сия деловая женщина, узнав, что на поездках устанавливают новые тормозные механизмы системы Вестингауза, первым делом задалась вопросом: «А какая мне от этого польза?» Но в том-то и дело, что человеку, да-

бы таковым оставаться, не всегда и не в любой ситуации приходится руководствоваться соображениями личной пользы, выгоды и прочая. Да простится мне лирическое отступление, но без него трудно было бы продолжать размышления на заданную тему.

Итак, начнем с того, что можно признать бесспорным. На дворе XXI век, эпоха всеобщего потребления и так называемой массовой культуры, ничего впрочем общего с действительно культурой не имеющей. Лучше уж назвать это явление шоу — бизнесом, девиз коего «Все на продажу!» Во имя прибыли, конечно же, или даже — сверхприбыли. Причем понятие шоу — бизнеса всеобъемлюще, это способ организации не только индустрии развлечений. Точнее — способ превращения любой отрасли человеческих занятий в индустрию развлечений. Ну, разве профессиональный спорт не шоу-бизнес?! А сама политика?! А телевидение? Повсюду гладиаторские бои на потребу толпы. И толпа на потребу бойцов. И те, и другие прекрасно дополняют друг друга, не могут друг без друга, кормят друг друга. И да здравствует потребление! Немудрено, что соответствующим образом, сообразно сути и характеру эпохи, изменились и мышление человека, и его сознание. Это как раз тот случай, когда именно «бытие определяет сознание», и не стоит по этому поводу ломать копья с материалистами. Ибо отсутствие системы четких нравственных установок на персональном уровне, ранее передававшейся из поколения в поколения и являвшейся важнейшей составляющей этнопсихологии, сегодня очевидно. Оттого и трансформация мыслительных и поведенческих стереотипов человека в современном мире обусловлена самой объективной реальностью, царящей в обществе потребителей материальных благ.

Только не стоит думать, что аз грешный против повышения уровня материальной обеспеченности человечества. Я очень даже за. И в самом деле, только записной ханжа или убежденный сторонник манихейства будет поносить эти самые материальные блага. Ну, разве плохо, если больше людей смогут позволить себе жить в комфортабельных домах, ездить в удобных и качественных авто, отдыхать на первоклассных курортах, хорошо питаться и одеваться, лечить свои хвори в достойных клиниках, обеспечивать детям обучение на должном уровне? Да мало ли, что еще! Ведь сплошная польза и никакого негатива, ни капли вреда. А ежели так, то и конкретные действия, совершаемые ради извлечения пользы, вполне обоснованны. Разве не так? А ведь это и есть основа утилитаризма т.е. направления в этике, считающего пользу основой нравственности и критерием человеческого поведения. Тезис применим как в индивидуальном, так и в общественном смысле. Только вот нигде не сказано о способах достижения этой самой пользы. Ибо императивом, искупающим все, является конечный результат т.е. польза. Неважно, что и как мы там творили, в итоге пользу принесли всем... или почти всем... ну, хоть кому-то, да принесли... А куда прикажете девать Федора Михайловича с его «слезой ребенка»? Правильно. Не стоит о такой малости и вспоминать. И не вспоминает почти никто. Некогда, пользу нужно извлекать. На выходе получаем стенания о бездуховности, о потере нравственных основ, о жестокосердии человеческом, и прочая, и прочая.

Приведенные рассуждения, безусловно, никакой не абсолют, имеется множество частных случаев и нюансов, но в общем и целом дело обстоит именно так. Разве кого-то сейчас очень интересует, каким именно путем сколочены громадные состояния наших олигархов? Если и есть такие любознательные исследователи, то особенной поддержки их усилия не находят, а возможные «открытия» на данную тему сенсациями не станут. Понятное дело, что тогда, в «лихих девяностых», все были не без греха, все пользовались прорехами в законодательстве, а что не запрещено, считалось разрешенным. И «чистеньких» среди этих толстосумов и воротил нет и быть не может. А сказочки о «непосильных трудах» сказочками и останутся. Никто не в силах был в период бандитского капитализма заработать огромные деньги честно, тем паче,

развивая производство и создавая тысячи рабочих мест. О производстве можно было говорить только в добывающей и перерабатывающей отраслях. В остальном же — торговля, финансовые операции, если не «махинации» вообще, при наличии нужных связей во властных структурах всех уровней и мощных лобби в законодательных органах, федеральном и региональных. Но теперь миллионеры и миллиардеры — уважаемые люди, финансово-экономическая элита (прости, Господи!) общества. А о том, что «экономика определяет политику» с автором тезиса, т.е. с Ф. Энгельсом также спорить не стоит, ибо он прав и его правота наглядно подтверждается буквально ежедневно.

Поэтому и явление глобализма в современном мире вполне объяснимо и естественно. Начало этому процессу было положено в годы образования транснациональных корпораций и мировой финансовой системы. (Кстати, необходимо подчеркнуть, что и большинство ведущих финансово-промышленных кланов той же Америки, да и Европы, состоялись далеко не праведными путями и способами. Большие деньги всегда — обман, кровь и смерть. Если не напрямую, то опосредованно. Но всегда!) С тех пор воды утекло порядочное количество и в результате мы имеем глобализм, как способ управления мировыми процессами, политическими, экономическими, общественными и прочими, в интересах международной финансово-промышленной олигархии. Когда некоторые историки называют Великую депрессию 20—30-х годов прошлого века крахом олигархического капитализма, очень хочется, согласившись с аргументацией данного утверждения, заметить в ответ, что нынешний капитализм еще более олигархический и в этом смысле сей «феникс» восстал из пепла после всех трагических коллизий минувшего столетия обновленным и окрепшим, «как змий многоглавый». Конечно, беда большинства «драконов» в том, что они, в конце концов, начинают пожирать собственный хвост. Последний финансовый кризис — яркий тому пример.

И ладно бы только он. Налицо комплексный кризис западной общественно — политической системы, кризис духовный, нравственный. Либеральный мир в тупике и на пороге вырождения. Кажущееся благополучие жизни взаимы, как на личностном уровне, так и на уровне народов и государств, породило самообман нескольких поколений, уверовавших было в собственной незыблемое благополучие и основанное на этом благополучии превосходство над «отсталым» остальным миром. Ничего, впрочем, нового. Было уже и, к сожалению, случится не раз и впредь. Я не могу назвать альтернатив капиталистическому способу производства, альтернатив частной собственности, но я точно могу сказать, что западный образец жизнеустройства народов и государственных систем ведет в тупик, если вовсе не в пропасть. Оттого — то и трещит Евросоюз. Счастья для всех не получается. Вдобавок ко всему проблема ксений — чужеродных диаспор, множущихся на территориях «просвещенных» стран и несущих с собой свою этнопсихологию, не имеющую ничего общего с романо-германской, например. И где тут стройное и гармоничное сообщество людей, объединенных общей моралью и поведенческими доминантами? Нет и нет... и не предвидится.

И в этой связи «переход человечества в единое ноосферное земное сообщество через глобализм, жесткий и даже жестокий» выглядит более, чем проблематичным. Равно неубедителен пример СССР, как государства «с социальной ориентацией, наиболее адекватной качествам ноосферы». Изуверские опыты над людьми во имя достижения всеобщего счастья в обоих случаях преследовали и преследуют совершенно иные цели, а именно — сосредоточение абсолютной власти в руках очень узкого круга лиц, объединенных неодолимой жадностью все той же власти, во имя собственного благополучия. И как в итоге человек и человечество, следуя подобными путями, ста-

нет «разумной геологической силой» мне, например, вообще непонятно. Возможно я ошибаюсь, но создание ноосферы насильственным путем не произойдет никогда. К тому же необходимо учесть еще одно существенное обстоятельство, о коем частенько забывают приверженцы теории эволюции.

Сей процесс чаще всего трактуется как безостановочный, непрерывный и непременно идущий по восходящей. Но, друзья мои, разве это на самом деле так? Любой процесс имеет точки наивысшего взлета и максимального упадка, он может прерываться и начинаться вновь на ином уровне, т.е. быть поэтапным. Естественно, под «разрывами» следует понимать прежде всего то состояние системы, когда старые процессы сходят на нет, затухают, а новые — только набирают силу, но ни те, ни другие не являются доминирующими. А это и есть «разрыв». Тем более, если это связано с таким сложным явлением как «взросление» человечества до уровня создания ноосферы. Во всяком случае, опять-таки, на мой взгляд, говорить о переходе к ноосферному человеку и человечеству еще очень и очень рано. Слишком много на этом пути побочных факторов, влияние которых на указанный процесс порой невозможно прогнозировать и учитывать заранее... Если и есть в наше время некий «коллективный разум», то он весьма и весьма неразумен, уж простите за невольный каламбур. О нравственности и упоминать не следует. «Коллективному разуму» она не присуща ни в коей мере (см. определение утилитаризма, приведенное выше).

А ведь согласно третьему биогеохимическому принципу В. И. Вернадского «мысль не является формой энергии, но производит действия, как будто ей отвечающие». И какое биоэнергетическое пространство создается современным способом мышления? Едва ли позитивное. Успокаивать себя изречением «Когда б вы знали, из какого сора...» не очень уместно в данном случае, ибо тогда остается сидеть и ждать желаемого результата, имея в запасе одну лишь надежду на лучшее. К тому же нельзя не учитывать и этнологический аспект, поскольку без теории этногенеза Л. Н. Гумилева, сколько бы ей ни манкировали в свое время, уже не обойтись. Иное дело критическое к ней отношение, корректировка и дальнейшее развитие. Но заслуга Льва Николаевича прежде всего в том, что он открыл и развил качественно новый подход к изучению истории человечества в непосредственной взаимосвязи с историей самой планеты и ее биосферы. Один только принцип диахронии дал возможность абсолютно нового исторического анализа, необходимого для прогнозирования будущего. К тому же пассионарный толчок по Гумилеву является флуктуацией биосферы и явлением природным.

А тогда каков механизм прогресса биосферы в ноосферу? Словом, все очень не просто с переходом к ноосфере, но наверняка так и должно быть. Задача-то попала, мягко говоря, весьма масштабная. И крайне сложно, хоть и столь же заманчиво, представить себе психологический портрет Homo noospheres, ставшего, наряду с остальными, себе подобными, «реальной геологической силой». И как бы, все-таки представив, не перепугаться до смерти. И еще одно замечание, по поводу Великой Французской революции, как знакового события перехода всемирному управлению — ускорению эволюции. На мой взгляд, ценность процесса эволюции как раз в том, что он не поддается ускорению в принципе. И кровавая «замятня», устроенная во Франции в конце XVIII века и явившаяся, по сути, геноцидом французского народа, никакой пользы не принесла и не могла принести. Это общественно — политическое явление из разряда тех, о которых говорят, что «лекарство страшнее болезни». Полтора миллиона загубленных жизней, патологические личности, убивавшие друг друга, у власти, карательные экспедиции в мятежные провинции, Директория, кровопролитие в Париже, Итальянская и Египетская кампании, далее консулат и империя Наполеона, и еще полтора десятилетия войн, полностью выбитое в этих войнах муж-

ское население страны, вплоть до шестнадцатилетних мальчишек... Прогресс, ничего не скажешь. Ускорились, не приведи Господи... Не зря в департаменте Вандея до сих пор не празднуют день взятия Бастилии и не жалуют республиканцев. И я полностью солидарен с такой позицией. И мои симпатии и уважение отданы навсегда Вандейским шуанам и Жоржу Кадудалю, а не резвившимся и масонствующим энциклопедистам и революционным сектантам, не понимавшим, что ящик Пандоры, однажды открытый, уже не закроешь. Все-таки способ достижения той или иной цели имеет для человека и общности людей решающее значение.

И кровь убитых никогда никого счастливым не делала. И ничего не ускоряла, кроме процессов деградации. А уж к преобразованию биосферы в ноосферу кровопролитие и революционные скачки не имеют никакого отношения. Точнее — они могут только вредить и мешать этому. Человеческий разум вне нравственности невозможен. А значит, он не приемлет насилие и кровопролитие даже в самых благих целях. Поэтому я и считаю ноосферологию очень серьезной и ответственной философской дисциплиной. А процесс трансформации биосферы в ноосферу — сложнейшим и нелинейным, и делом очень неблизкой перспективы, даже если бы нам очень хотелось иного. Можно, конечно, утверждать, что человек нынче управляет эволюцией. В том и опасность, что ускорение эволюции приведет в предельном варианте опять-таки к революции. И только Господь ведаёт, что в итоге получится. К тому же не забудем о законе не убывания энтропии...

Но вернемся к волнующей нас теме, а именно — к «герою нашего времени» в современной литературе. Я как — то беседовал с сотрудником нашей городской библиотеки, весьма эрудированной и современной дамой, и коснулся данного вопроса. И в ответ услышал: «Герой? А он разве есть? Да и возможен ли он сейчас?» И в самом деле, как обстоят дела с этой, пусть и книжной, личностью? Каким он должен быть? Что обязан делать? Какого вообще рожна ему надобно? Но, дабы найти ответы на прозвучавшие возгласы, вначале необходимо разобраться с самим господином литератором. Попробуем. Пусть не вообще, но в некоторых определяющих аспектах, приведенных в статье уважаемого главного редактора. Во-первых — оппозиционность и нонконформизм к власти. На мой взгляд, универсальную форму сосуществования художника и власти нашел Василий Аксенов в романе «Скажи изюм». Помните, там Макс Огородников изрек однажды: «Художнику глупо бороться с властью, еще глупее — лизать ему...»

Я полностью с ним согласен. То есть литератору вполне достаточно оставаться самим собой, не более. Но и не менее. Конечно, не скрою, что: «Нонконформизм! Хотя имя дико, но мне ласкает слух оно...» (не удержался, перефразировал Владимира Соловьева). Но в раскрытой ранее позиции это как раз присутствует... Только ненавязчиво и не агрессивно. Вполне достаточно, «еже писах — писах», в том твое предназначение, прежде всего. Не смыкается ли это с классикой Марка Аврелия: «Делай что должно, и будь, что будет»? Да напрямую! Во — вторых, сострадание к «униженным и оскорбленным». Это даже не обсуждается. Ни одно реалистическое направление без оного сострадания не обходится, ибо истинное сострадание естественно, объективно и спонтанно. И ни в коем случае не механистично то есть это не сострадание ради сострадания, но глубокое понимание и органичное проникновение в конкретную описываемую ситуацию. Короче говоря, предельно подробное знание предмета. Тогда сострадание становится искренним. Ибо «понять, значит — простить». В-третьих, политизация. Она смыкается с «во-первых», поскольку очень многие фразы и умозаключения в литературном произведении выражают нравственную и общественную позицию автора и, значит, вполне могут толковаться, как идеологемы. А от идеологии до политики путь короток.

А что, собственно, с самим героем-то? А вот что: никто и никогда не сможет указать настоящему литератору, поэту и писателю, о ком он должен писать и кого в герои производить. Это выбор сердца, выбор, диктуемый позицией самого художника. А если я или кто-то другой в своем творчестве будет по данному поводу руководствоваться «под козырек» чьими-либо рекомендациями, то никакого истинного героя нашего времени не получится. И пусть будет коммерческий успех, премии всевозможные. Хоть бы и пресловутая «Нобелевка» (вот тоже беда для литературы, и беда истинная — критерии ее присуждения — явная прихоть членов одноименного комитета) и прочая, слава и почет, а герой умрет не родившись. И оттого, по поводу «героя нашего времени» я вправе высказать лишь свои соображения и свою позицию. Можно сколь угодно долго рассуждать, кто нынче и во что конкретно горазд на литературной или, особенно, на около литературной ниве. Но любая системная коммерциализация образа героя нашего времени есть путь к его уничтожению, точнее — к несозданию. В частном случае, не намеренно, подобное возможно, как и вариант с конкретной героической личностью, упомянутой в начале моей статьи. Но иначе, увы... Связь кандидата в герои нашего времени с массой ему подобных, с характерностью, обязательна далеко не всегда. Это все равно, что представлять пассионария непременно таким пламенным революционером, с детства мечтающим пойти перед строем с флагом в руках и увлечь за собой сомневающихся, и, в конце концов, погибнуть на баррикадах за дело правое, во имя торжества идеалов гуманизма и всеобщего благоденствия. Да ничего похожего! «Свободный атом» в общественной структуре ощущает себя и на деле является абсолютно чужим, и попросту не может, и не хочет мириться с установленным и ему не подходящим, иногда смертельным для него, порядком вещей. Вот только сопротивляться можно по-разному. И в итоге, наиболее ярким пассионарием может оказаться совершенно невзрачный и непрезентабельный на вид человек, по общему мнению — маргинал, исследующий среди бела дня мусорный бак. Я просто хочу еще раз подчеркнуть, насколько все непросто. И механические аналогии ошибочны, ибо, игнорируя диалектику, приводят к скоропалительным выводам, желаемым, но неверным. Оттого я могу говорить только о том, кого сам считаю героем нашего времени. Постараюсь быть предельно конкретным.

«Маленький человек (далее без кавычек), если присмотреться и подумать, на самом деле никогда не был ничтожным по масштабу литературным героем. Прежде всего, это — человек, а кто еще может быть более интересным и традиционным персонажем отечественной литературы? И какой человек! (В чем-то все такие «человеки» схожи, но на деле ведь разные, очень и очень разные!) К тому же он всегда поставлен в те или иные, но всегда предлагаемые, обстоятельства. И в этих обстоятельствах ему волей-неволей приходится существовать, жить, бороться, проигрывать, побеждать, грешить, искать путь к покаянию... Что характерно и для реальной жизни во все времена. И в любом случае он вынужден «работать вторым номером», да простят мне боксерский термин, ибо сам не имеет возможности кардинально менять окружающую обстановку. И даже мало-мальски влиять на нее. Он должен в предлагаемых обстоятельствах выживать или погибать. И сегодня маленький человек, надо заметить, делает это. Не всегда эффектно, но порой просто блистательно. Например, в рассказах Александра Кирова. Я познакомился с Александром и его творчеством несколько лет назад, во время нашего регионального писательского фестиваля «Поморская лОдь», когда мы приехали на родину Александра в старинный русский город Каргополь. Рассказы Кирова я принял сразу же, с первых строк, ибо все, о чем он пишет, знаю не понаслышке и целиком солидарен с автором в восприятии, изображении и оценке сюжетных коллизий и ситуаций, а также понимая и принимая абсолютно естественное, не нарочито литературное, поведение и мироощущение героев

его повествований. Люди из «залесенной губернии», одиночки, имя коим — легион, посреди бандитских девяностых и слепых «нулевых», без средств к существованию, без надежды на лучшее... Казалось бы впереди только нищета, деградация и гибель, гибель от пьянства «с горя», от безысходности, от отсутствия духовных ориентиров.

Да, где-то далеко, в столицах идет некая жизнь, что-то происходит, но там никому нет дела до провинциалов дремучих. Они для либерального центра — отработанный материал, в лучшем случае — «подопытные кролики» для постановки политических и экономических экспериментов. Молодежь? А тоже самое: пушечное мясо в чеченской войне, в бандитских разборках... Безднадега... Безверие... Мрак. А люди живут и не просто выживают, но сохраняют или же вновь обретают в самые драматические моменты своей судьбы духовный стержень, самоуважение и веру, веру в лучшее, веру в Бога, веру в Свет, умеют сострадать бедам ближнего и помогать слабому. Да, герой рассказа «Митина ноша» умирает, но свою ношу, свой крест он терпеливо несет до последнего вздоха. И это не забитый бессловесный раб обстоятельств. Это в прошлом — герой войны, сохранивший лучшие качества русского крестьянина, трудолюбие, некрикливость, терпение и надежду. Это хранитель колоссальной по значению национальной традиции, лишить которой нас пытались то красные комиссары, то фашистские подонки, то либеральные доброхоты. И вот, что интересно — парнишка, прошедший детство практически в аду, в конце сочинения на тему «Кого я в этой жизни уважаю» заявляет в конце: «А себя я уважаю. Почему себя? А потому, что пора бы и себя уважать. Не давать мешать с грязью...» («Седьмая тема»). И это не бравада гопника «оторви, да выброси». Это позиция юноши, разбирающегося в жизни лучше своих учителей, пытающегося честно отыскать свой путь и быть самим собой. И никакая огульная хула-напраслина к нему не прилипает, ибо он — добрый и порядочный парнишка с прямым позвоночником. И его даже сломать нельзя. Убить — можно, а победить, увы, не получится. Почитайте, сами убедитесь.

И еще один человек, вырезающий из дерева птицу и знающий, что ежели она выйдет такой, как он задумывал, то и у автора «вырастут крылья» со всеми, как говорится, вытекающими. И еще, и еще, и еще. И никаких сказок, все происходит в абсолютно реальной обстановке, не располагающей к благим перспективам. Впрочем, достоинство произведений еще и в том, что Киров никогда намеренно не сгущает краски. Не упирает на «чернуху». Повторяю, у меня было ощущение, что я читаю о своей жизни, я все это видел, вижу, знаю, ощущаю. И вот это — Россия истинная. И вот эти герои — настоящие. Из нашего времени. Повторяю, у Кирова все далеко не просто, но реальность ситуаций и поведения героев не вызывает сомнения. И песенку «Хорошо! Все будет хорошо!» никто из них (персонажей рассказов) не поет. Некогда им, да и незачем. Почему? А почитайте, например «Троянос Деллас», там очень все доходчиво изображено.

Между тем дело обстоит так, что даже художественно интерпретированная реальность близка не всякому искушенному читателю. Многие не готовы согласиться с тем, что и они жили и во многом продолжают жить в ситуациях героев Кирова. Трудно порой признаться себе: «Это же я, о Господи...» Желание держать дистанцию и нежелание посмотреть на себя со стороны это ведь тоже элемент утилитарного мышления в эпоху усиленного потребления максимально материализованных ценностей, изначально духовных в том числе. Мол, это не обо мне, не о нас, мы не такие... Господа, а возможно вы и вовсе никакие! А русская литература никогда не была пустым развлечением. Взялись читать, знайте, что это — труд нелегкий. Могу привести иной пример, роман «Мурманцы» моего коллеги по областной писательской организации Дмитрия Коржова. Трилогия охватывает период истории нашей страны и Кольского Севера с 1918-го по начало шестидесятых годов. Две части романа уже

увидели свет, издание третьей, надеюсь, не за горами. Это художественно — историческое полотно с вполне реальными героями. Причем здесь наше время? А притом, что многие персонажи Коржова обладают и демонстрируют как раз те же качества, что присущи и современным героям Кирова. Литература ведь — явление комплексное, все в ней взаимосвязано. В этой же обойме и повествование Алексея Витакова «Меркурий», тоже историческое произведение, с вышеупомянутыми, кроме прочих, достоинствами. И роман Николая Колычева о Феодорите Кольском. А сильная и достойная проза, публикуемая журналом «Север», да разве только им одним? А самими «Приокскими зорями»? Выстраивается своеобразная временная вертикаль с очень разными, но все-таки очень схожими типажам, несущими и реализующими прекрасные человеческие качества, присущие русскому народу. И никакая коммерциализация им не грозит.

Истинные герои нашего времени вне пространства наживы. Как и вне поля идеализации и нанесения сусальной позолоты. Герой нашего времени ничуть не идеал, тем он и актуален. Причем, яркие исторические личности из числа государственных, общественных и военных деятелей переломных эпох были и будут оставаться среди героев литературных произведений, но... Разность идеологизированных оценок в таком случае неизбежна, как минимум. Кроме того есть еще и личная комплиментарность автора. Столыпин — кому вешатель, а кому — спаситель Отечества, павший от рук врагов России, Победоносцев — кому мракобес, а кому слуга престола, государственный, настоящий патриот империи, для одних генерал Каппель — белогвардеец, с которым успешно воевали чапаевцы (согласно версии бр. Васильевых), а для меня, например, истинный православный русский рыцарь без страха и упрека, как и граф Келлер, между прочим. (И пусть немецко-шведские фамилии никого не смущают. Равно, как Эссен или Тотлебен, или Шильдер). Перечень таких дуализмов бесконечен. А есть еще иные, отличные от приведенных, оценки. В данном случае, по-моему, важен сам факт обращения литераторов к историческим темам, ибо такие произведения в любом случае способны пробудить интерес к более чем трагическому и героическому прошлому нашей страны. Яркий тому пример — творчество Валентина Пиккуля. Можно сегодня соглашаться или оспаривать его оценки конкретных личностей или описываемых событий, можно вообще не принимать позицию автора, но талантливо созданные им полотна о «белых» пятнах российской истории актуальны и по сей день. И будут актуальны в будущем. А сколько замечательных произведений блестящих авторов таится по медвежьим углам нашей империи?!

Не так давно, будучи в Мончегорске, Евгений Попов, один из «метропольцев», известнейший сегодня столичный писатель, лауреат «Большой книги» и не только, произнес примерно ту же фразу, приведя конкретные примеры о сибирских прозаиках. Какой же, собственно, напрашивается вывод? По-моему, следующий: есть в современной литературе истинный герой нашего времени, это — простой человек с очень непростой судьбой и сложным характером, со всеми слабостями и грехами людскими, но способный на проявление лучших своих качеств в обыденной и такой, казалось бы, не героической жизни, имеющий реальные цели, идущий к ним, порой вопреки неодолимым обстоятельствам и препятствиям, не зная точно, что его ожидает, поражение или триумф. Но иного способа, кроме движения, у него нет. В движении этом и дорога к себе самому, и дорога к храму, и к Богу, и к Родине. Абсолютно очевидно, что явлением массовой культуры подобные герои и произведения никогда не будут. Однако не стоит огорчаться, тем паче стенать и посыпать голову пеплом. Вениамин Слепков, заведующий отделом публицистики журнала «Север», замечательный журналист, критик и поэт, в беседе со мной как-то с горечью обмолвился, что литература не может бороться с пошлостью. Истолкуйте эту фразу утилитарно, буквально, и что получится?

Представьте Николая Васильевича Гоголя борющимся против того же Нестора Кукольника. Или Александра Сергеевича Пушкина, сиящегося и только и мечтающего одолеть Греча с Булгариным. Ответы на выпады конкретного оппонента в свой адрес и полемика — не в счет. Ведь не ставил же Пушкин целью «Евгения Онегина» победу над оппонентами. В том-то и дело, что литература, как и прочие виды и жанры искусства, самым своим существованием, наличием, присутствием, уже неагрессивно борются с разного рода поделками на сиюминутную потребу заказчика. И другого способа для искусства нет. В глобальном, конечно же, смысле. И весьма существенное и удручающее обстоятельство — отсутствие множества достойных литературных произведений провинциальных авторов в широком информационном пространстве. Интернет здесь не столько подмога, сколько наоборот, ибо в этом заболоченном пространстве утонуть порой бывает легче, нежели дать о себе знать. И создается впечатление, что нет в отечественной литературе героя нашего времени. Но прежде, столичные, даже очень уважаемые и талантливые, критики и литературоведы вздохнут, буквально или в очередной статье, де — нет у нас авторов достойных. Вот, ушел XX век, а с ним — литераторы той поры, имперские, а наследовать им некому. Ой ли, уважаемые? А это вы откуда взяли? А вы из столиц выезжаете в Россию-то? А сами давно ли столичными стали, из глуши появившись? Вот и вся недолга.

Вся, да не вся, конечно же. Герой нашего времени не может быть навязанным и навязчивым. Главное его качество — органичность, с коей он вписывается в литературные, но вполне жизненные, обстоятельства, т.е. в коллизии конкретного произведения, и входит в сознание читателей. И потом, я упомянул только одну его ипостась. А он — многолик, ибо — представитель своего народа в конкретном времени. И литератор просто обязан знать своего героя, понимать его или спорить с ним, видеть его в реальной жизни, хоть и не в буквальном смысле. А коммерческий синтетический процесс, отчего-то считающийся литературным, явление из другой оперы, как говорится. Мы об этом явлении уже упоминали. Есть о ком писать, господа мои, уверяю вас. В частности и о тех, кто упоминался в начале статьи. Было бы кому писать, со знанием и осознанием, о чем повествует и зачем. Было бы кому выдерживать и выдержать в итоге чудовищный соблазн возможного коммерческого успеха ценой предательства литературы как таковой. Не желая осмысливать и на уровне эмоций ощущать реальность, не зная потенциала своего народа, диапазона качеств человеческих, прекрасных и отрицательных, ему присущих, не числя себя в данном народе, пусть и наособицу, никакого героя из «пальца высосать» нельзя. Сказки можно пробоовать изобретать, но приличных не получится. Только глянец снаружи и жеванная промокашка внутри. С чем и приходится сталкиваться, ежели не на каждом шагу, то весьма нередко. А жаль.

*Вадимир Тусов, член Союза писателей России,
Мончегорск Мурманской области*

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Наш уважаемый главный редактор Алексей Афанасьевич Яшин снова и, как всегда, в заостренно дискуссионной форме предлагает обсудить все то, что связана с глобализацией, якобы знамением последнего времени, и где найти положительного героя в литературе в этот злосчастный период. Трудная тема, особенно в той части, которая касается «героя нашего времени». Русская литература не раз бралась за нее, и почти всегда возникало неоднозначное отношение к предлагаемым ею персонажам. Рискну высказать свое мнение.

Думать, что глобализация феномен последних десятилетий или столетия, вряд ли правильно. Если понимать под этим термином захват одной культуры другой, представляя под словом «культура» — и образ жизни, языковой стереотип, художественное творчество и многие другие виды бытия человека, то можно полагать, что глобализация началась как минимум с завоевательных походов Александра Македонского. Он принес греческую культуру как на Восток (ближний), так и на Запад (до Египта). Далее Римская империя «глобализировала» всю Западную Европу вплоть до Британских островов. А потом Колумб, Испанская империя, Британская, СССР, принеший своеобразную культуру в свои Среднеазиатские республики и, преодолевая сопротивление, в «республики» Прибалтики и Закавказья. Наконец, пришествие заокеанского гиганта — Северо-Американских Соединенных Штатов, его расцвет и обретение им невероятной военной и экономической силы.

Что делают пришельцы завоеватели — всеми доступными способами внедряют в сознание и быт завоеванных свою культуру. Разными способами — силой оружия, обращением в свою веру, экономическим подчинением.

В наше время способы почти не изменились. Оружие применяется — бомбежки республик распавшейся Югославии, свержение неугодных режимов по всему миру. Обращение в «свою веру» путем распространения своей культуры в музыке (по преимуществу, в легкой), кинематографе (европейские фильмы не дублируются, демонстрируются с субтитрами, что делает их малопривлекательными для американского зрителя), языке (американизмы и англицизмы практически во всех видах деятельности). И, конечно, экономический диктат, когда экономика Штатов определяет экономический и финансовый климат во всем мире.

Влияла ли глобализация, в приведенной интерпретации этого термина, на искусство? Да. Затрудняюсь сказать, как это отразилось на литературе. Хотя следует упомянуть греческих и древнеримских героев, ставших, правда, не сразу, героями европейских баллад, романов, драматических произведений в эпоху Ренессанса. Да, и теперь тоже. Ярче это отразилось в изобразительном искусстве — живописи и скульптуре. Появившиеся на свет из археологических раскопок герои Эллады оказали огромное влияние на искусство древних и не очень римлян. А те, свою очередь практически на все изобразительное искусство Западной Европы.

А христианство? Какое огромное количество героев литературы, живописи и скульптуры оно предложило европейским творцам. И те воспользовались этим предложением и пользуются им до сих пор.

Выбирать было из чего. Не будь этого «перемешения» культур, сколь бы бедна была мировая культур и каждая национальная. Каких великодушных и великих героев дало это «перемешение», читай глобализация.

Все ли национальные культуры приняли эту мировую культуру? В разной степени — да. Одни в силу слабости, неразвитости собственной — в большей степени, почти копируя. И, наоборот, самые сильные и развитые приняли наиболее «подходящее», приемлемое национальному самосознанию, традиции, а то, что приняли, «переварили» и сделали частью своей культуры.

Так было всегда, на протяжении всей истории человечества, так происходит и сейчас.

Что происходит сейчас? Глобализация.

Где искать «героя нашего времени»?

Вокруг себя. Раньше в центре внимания творцов были боги, гиганты, полководцы, цари и царедворцы. В богах и гигантах было мало «человеческого». Поэтому интерес к ним быстро угас. В царях и царедворцах стали искать чувства и страсти, присущие человеку. О них, а не о подвигах стали создавать свои творения художники и писатели. Простые люди, главные потребители искусства, в том числе и литературы, хотели видеть и находить в произведениях литературы и искусства самих себя, прочитать и увидеть самих себя, о себе.

Русская, да и вся европейская, вкупе с ней американская литература всегда были «человеко-центричными». И самые лучшие образцы и творцы ее остаются такими до сих пор. В меньшей степени это относится к изобразительному искусству. Оно все дальше уходит от человека, и люди это чувствуют и «голосуют ногами» — какие длинные очереди выстраиваются, чтобы посмотреть, например, недавно на Тициана?!

Теперешняя глобализация с чрезвычайно развитой системой коммуникаций и информатики вызвало к жизни людей все более зависимых от этих двух «бед» нашего времени. Люди всех языков и национальностей связались в один колоссальный клубок, все знают друг о друге все или практически все. Поскольку указанные технологии завязаны на «цифре», сей клубок получил у современников обозначение, как «оцифрованный человек». Яркий образ, запоминающийся.

И в этом человеке-муравейнике по мысли уважаемого Алексея Афанасьевича трудно найти героя. «Не о ком писать!» — восклицает он.

Писать есть о ком всегда. Можно даже об оцифрованном представителе человека. Каков он, чем дышит и как дышит.

Но наш уважаемый главред озабочен поиском положительного героя. Не всякий, абы какой герой представляет интерес для литературы. Нужно ли сетовать о том, что героями литературы перестали быть «...ученые и конструкторы-изобретатели, сталинские наркомы и руководители ведомств 50—80-х годов, создавшие целые отрасли промышленности... земские и советские врачи, рабочие и крестьяне и так далее». Думаю, что для сегодняшней русской литературы остались самыми интересными именно рабочие и крестьяне и особенно те, кто «и так далее». Слава Богу, Алексей Афанасьевич видит, что кроме оцифрованной литературы осталась и аналоговая, то есть та литература, которой интересен человек, любой человек, а не только положительные сверхгерои. Которая пишет нормальным литературным русским языком, каковой перенесет все невзгоды оцифрования. Он настолько велик, что останется таковым, приняв многие англицизмы, переварит их и сделает понятным любому, кто говорит по-русски.

И, наконец, мне кажется, что для литературы, а стало быть, и для читателя, наиболее интересен «отрицательный» герой. Григорий Печорин, Евгений Онегин, Илья Ильич Обломов, Левша, князь Лев Николаевич Мышкин, Хлестаков и Чичиков, Сатин... Они наиболее точно отображают эпоху, ее достоинства и недостатки, более, конечно, недостатки, что полезно знать каждому из нас. А наркомы и руководители ведомств — только если о них пишут как о людях, а не как о наркомах и руководителях ведомств.

*Рудольф Артамонов, профессор,
лауреат Всероссийской литературной премии
«Левша» им. Н. С. Лесков, Москва*

В заключение от редакции. Полагаем, что представленные материалы позволяют сказать: дискуссия состоялась на достаточно широком представительском уровне. Но что нас особенно порадовало и ободрило, так это совершенно иное, намного более высокое качество — по сравнению с предыдущими дискуссиями — полученных нами материалов. Если в 2011—2012 гг. преобладали «телеграфные» сообщения: одобряем-с, мол, то сейчас мы имеем дело исключительно с обстоятельными очерками, концептуальными, завершенными, информационно содержательными, написанными высоким художественно-публицистическим слогом. Штилем, как говорили в XIX веке, когда создавался сам феномен русской литературы.

Другой существенный момент: среди авторов публикуемых выше материалов представлены лауреаты всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Значит, редколлегия и редакция «Приокских зорь» не ошиблись в выборе лауреатов, ибо присуждение премии ориентируется не только на (высокое) качество публикаций в журнале или в серии «Приложение к журналу «Приокские зори», но и на активное участие претендентов на звание лауреата в современном литературном процессе. Формой такового мы, прежде всего, полагаем участие в объявляемых «ПЗ» ежегодных дискуссиях. Радует и активное участие членов Академии российской литературы, под эгидой которой издается наш журнал.

...И в этом же аспекте — наши «стандартные» упреки и пожелания. Как всегда и уже традиционно — за единичными исключениями — промолчали Тула (истинно: сапожник без сапог), где издается журнал, и все огромное пространство «от Волги до Амура», хотя в журнале имеется постоянная рубрика с таким же названием. Повторим слова нашего классика: «Во глубине сибирских руд храни-те...» — например, гордое молчание. Не радует нас и Литературный институт им. А. М. Горького, хотя в «ПЗ» также имеется рубрика «Тверской бульвар — 25 в «Приокских зорях». Увы.

Обращаемся к главе тульских писателей, заместителю главного редактора «ПЗ» Виктору Федоровичу Пахомову, зав. отделом литературы Сибири Сергею Прохорову и зав. отделом литературы Поволжья Сергею Лебедеву с настоятельной просьбой «расшевелить» своих подопечных литераторов к началу следующей дискуссии. А всем принявшим участие в нынешней дискуссии — большое спасибо!

ПОЭЗИЯ СОЛНЕЧНОГО СВЕТА

*Самый темный час — перед рассветом,
Самый светлый час — когда заря...
Мы с тобой живем на свете этом,
И я думаю, что мы живем не зря.*

В. Сапожников

Недавно из печати в издательстве «Полиграфинвест» вышел сборник избранных стихов Владимира Григорьевича Сапожникова, члена Союза писателей России, профессора, доктора медицинских наук, лауреата литературной премии им. Л. Н. Толстого. Эта книга стала результатом многолетней серьезной работы автора.

Ему дан дар чувствовать прекрасное и отражать увиденное в поэтической строке.

Что-то есть в его стихотворениях, что затрагивает душевные струны и заставляет задуматься о нашей жизни, о стране, в которой родились и живем. В них присутствует поэтически меткое и ясное выражение мысли, жесткая правда жизни, прямое и непосредственное проявление души, живая интонация речи, переданная с легкостью и свободой, восклицание, вздох. Речь звенит, пружинит, в ней заключена сила — сила Слова! Она разнообразна и красочна. Накал эмоций, нежности искренен до предела.

*Как окно избы заброшенной
Чуть светлеет глаз луны,
Все кругом, как приморожено
Синим взглядом тишины.
Далеко летит, разносится
Скрип шагов твоих, моих —
Словно половицы в горнице
Под ногами в этот миг.
Небо темное, тяжелое...
А в душе легко-легко,
Потому что ты, веселая,
К нам приехала в село.*

В. Сапожников

За годы жизни он побывал в разных уголках нашей огромной страны, приобрел богатый профессиональный и житейский опыт. Поэтому, наверное, его поэзия во многом автобиографична.

Он не терпит в людях подлости и предательства.

*На свете есть люди и ироды,
Есть стервы, но женичины есть.
Когда улыбаются выродки,
В душе закипает месть.*

*Им грезится безнаказанность,
И гадят, этим гордясь.
Надеясь на недоказанность,
Припрятав под ней боязнь.*

*Но ошибаетесь, лстивые,
Безмозглые подлецы...
Расплата придет обязательно.
Не спрятать в воду концы.*

В. Сапожников. О подлости.

Полнота, стройность и законченность — характерная черта произведений Владимира Григорьевича.

Ничего лишнего. Все в меру. Все просто, все исполнено внутренней гармонии. Такой и бывает настоящая поэзия. Слов немного, но каждое слово в точку. Каждое слово необъятно, в нем бездна чувств и смысла.

*Опять нашло, опять наваяло,
Опять не спится до утра...
Взошло, что так давно засеяно,
Пришла поэзии пора.*

*И стих в душе сквозь боль рождается,
Не гаснет снова мой ночник...
И озаренье продолжается,
Не оставляя не на миг...*

В. Сапожников

Язык произведений В. Г. Сапожникова отличается богатством словаря, ясностью, простотой и точностью слова. Ему чуждо словесное трюкачество.

Его стихи выдают человека не только тонкого, но и просвещенного.

Строгая форма его стихотворений как нельзя лучше подходит к четким и ясным мыслям, заложенным в них.

Одной из отличительных черт поэта является искренность. Это искренность во всем — в разговоре с самим собой, в переживаниях о близкой женщине, в любви к своей Родине, о творчестве и поэзии. Свое отношение к творчеству он выразил в стихотворной форме:

*Стихи — болезнь души поэта.
Он плохо спит иль много пьет,
Или не гаснет сигарета,
Пока страданье не сойдет.*

*Не обижайтесь... это метка.
И ей отмечена судьба.
Болезнь, встречаемая редко.
Неизлечима навсегда.*

В. Сапожников

*Стихи из ран душевных льются,
Как избавление от них.
Поэты любят и дерутся,
Страдают... и рождают стих.*

В. Сапожников

Владимир Григорьевич настоящий художник, его текст дышит, живет. Природа у поэта часто дана во взаимодействии с людьми. Пейзажи раскрывают его взгляды на место человека в жизни. Образные элементы, тональность стихов вызывают многообразные ассоциации, пленяют своей красотой и мелодией.

Всему есть место в них: сердечным переживаниям, красоте земли. Сколько удовольствия может подарить только одна единственная строчка, сверкнувшая звездочкой среди черноты бескрайнего небосвода!

Автор владеет творческой фантазией, способностью мыслить, рассуждать и чувствовать образами.

Некоторые из его стихов прямо просятся в песню, а часть из них уже положена на ноты и исполняется. Их звучание не утомляет, а дает жизненный заряд.

Он поэт больших чувств, воспевающих любовь («Моя сибирская жена», «Сон», «Пришла пора», «Думал я, что не стало любви», «За окном», «Сыплет бисером пурга», «Бабье лето», «Грешница»).

*Всесильно женщины тепло.
Оно спасет того, кто тонет,
Печаль в душе мужчин разгонит,
Развеет лишь оно одно.*

В. Сапожников

Ромен Роллан утверждал, что «любовь стоит ровно столько, сколько стоит человек, который ее испытывает». Владимир Григорьевич знает непреодолимую силу страсти, могучие порывы этого великого чувства. В его стихах с большой психологической правдой рассказывается история любви, с ее переживаниями, болью и страданиями.

*Живы мы пока любим и ждем,
Мы нетленны, покуда мы рядом...
По аллее тихонько бредем,
Слившись вместе душою и взглядом...*

В. Сапожников

Через все его творчество проходит красной нитью ощущение чистоты помыслов, человечности.

Он — Человек с большой буквы, поэт и врач, чувствующий боль и страдания пациента.

*И жизнь его сейчас в твоих руках.
Ты перед совестью своей в ответе...
Как трудно сделать этот первый взмах,
Чтоб человека защитить от смерти.*

В. Сапожников. Первая операция

*В паутине тревог, в паутине обид
Было что-то забыто и кто-то забыт.
Нет возврата назад. И того не прошу.
Просто мелко в сердце своем не ношу.*

В. Сапожников. Паутина

Его пейзажная лирика проникнута чувством гармонии («Ветер», «Велегож», «Дяде Мише», «В утренней Оке», и другие).

Поэт ощущает колорит грусти в картинах природы.

Через отбор образов и эмоциональных эпитетов создается ощущение пейзажа: «небо синее на рассвете», «зыбка гладь бегущей вдоль реки», «нежной дымкой ласковый туман».

Меня всегда привлекала в его творчестве изрядная порция солнечной энергии, энергии света.

*Какая ты красивая Россия!..
Синеют бесконечные поля,
И горизонт от леса синий-синий,
И не понять, где небо, где земля...*

В. Сапожников. Россия

*Мне не надо заморских причуд,
А приятней — пуская не в первой! —
Посмотреть, как по небу плывут
Стаи птиц над родной стороной.*

В. Сапожников

Он кровно связан со своей Родиной, народом, семьей. Глубоким чувством патриотизма проникнуто все творчество поэта.

Высшее свое назначение он видит в служении России.

*Я помню — мне сказал отец:
— Чего бы в жизни не случилось,
Не изменяй стране, малец,
Мы за нее на фронте бились...*

*Отец теперь в сырой земле
Лежит на кладбище далеком..
А тот наказ — всегда при мне,
Без срока давности... Без срока!*

В. Сапожников

*Я не крашу свою седину,
От врагов не скрываю глаза.
Надо будет — уйду на войну,
Если грянет над Русью беда.*

В. Сапожников. Сыну Сереже

Главная наша сегодняшняя беда — недостаток властной воли. Много говорится и мало делается. Говорильня становится опасным негативным фактором для страны.

В России понятие «справедливость» испокон веков является фактически национальной идеей.

Народ хочет устойчивых правил игры, порядка в государстве, а не громких обещаний когда-то, что-то улучшить.

Медлить с решением этих проблем невозможно. Их нужно срочно решать уже сегодня, сейчас.

Жизнь быстротечна и надо многое успеть сделать за этот небольшой промежуток времени, отведенный тебе.

*Все мы ходим по лезвию бритвы,
Нынче живы — а завтра нет.
Жизнь, как поле великой битвы,
Хотя грохота вроде нет.*

В. Сапожников

По своему опыту знаю, как может удивить и пронизать слово писателя или поэта и в особенности сказанное им о современности.

Темы любви к Родине, долга и чести являются неотъемлемой частью творчества В. Г. Сапожкова.

Разве можно спокойно читать строки, написанные Владимиром Григорьевичем, о России? В них отражена наша, порой шокирующая, реальность.

*Как мы низко упали...
Докатились-то как?
В этой жизни дурачком
каждый умный — дурак.
Каждый грешник — безгрешен,
каждый падающий — герой...
Что же мы сотворили
со страной и собой?*

В. Сапожников

*Тоска берет, душа страдает
От воровства и беспредела...
Какой-то вор нам обещает
Спасти Россию... Надоело!*

В. Сапожников

А спасение придет только благодаря нашему благоразумию и труду — кропотливому и созидательному. Не нужно только мешать народу строить свою жизнь и укреплять государство.

*Не могу я измениться,
Стать бездушным и слепым.
Не удастся примириться
С миром пошлым, подлым, злым.*

*Не испью водицы мутной,
Не умру в чужой земле...
За Россию стану грудью,
Если надо, как и все!*

В. Сапожников

История показывает, что народ наш в трудные времена становится более собранным, целеустремленным, единым. Нет худа без добра. Мы еще покажем «кузькину мать» всем врагам и злопыхателям.

Люди должны быть уверены в справедливости общественного строя, что станет залогом успеха всех политических и экономических начинаний, реформ.

Необходима сплоченность общества, наличие цели, понимание вызовов и задач, стоящих перед ним.

Нужно сделать государственным приоритетом инвестиции в человека. Прекратить насаждение невежества и варваризации нашего общества.

Для этого во главу угла должно быть поставлено развитие медицины, образования, науки, культуры, соцобеспечения, воспитание подрастающего поколения в патриотических традициях.

«Простота, правдивость и естественность — вот три великих принципа прекрасного во всех произведениях искусства, — писал К. Глюк.

Творчество Владимира Григорьевича Сапожникова полностью отвечают этому требованию.

Он настоящий мастер Слова. Желаю ему дальнейших творческих успехов.

*Евгений Трещев, член
Союза писателей России, Тула*

Александр Сорокин
(г. Тула)

**ТАЙНА ВЕРЫ, ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ИГОРЯ
ВАСИЛЬЕВИЧА И ВСЕ, ВСЕ, ВСЕ.
ПРИСТРАСТНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ
ИЛИ ЧТЕНИЕ В СЕРДЦАХ**

Автор является доцентом Медицинского института Тульского госуниверситета, врачом-гомеопатом. Он счел необходимым выступить как литературовед, потому что, во-первых, одним из орудий врача, особенно гомеопата, является слово, а во-вторых, потому, что литературоведение не в почете в современной России. Работы, представленные в этом жанре, немногочисленны и по качеству не могут удовлетворить автора.

В издательстве «Московский Парнас» вышел роман известного русского писателя Алексея Яшина*. Вместо предисловия — рассказ А. П. Чехова «Хамелеон». Вообще-то это еще не Чехов, умудренно взирающий с портрета на первой странице книги, а совсем юный Антоша Чехонте с неприятной сценкой.

Раскроем книгу и присмотримся к героям. Это Вера, появляющаяся на первых страницах романа. О ней мы узнаем, что она «особым умом не блистала, работала в аптечной сети». Она же, «но только с мужем, ибо фигурой не очень вышла, уже облетала в отпускное время все курорты Европы и Северной Африки». Кроме этих сведений Вера упоминается и во второй, и в четвертой, и в пятой новеллах. В сюжетных линиях новелл она никак не участвует, от себя ни о чем не высказывается. Так ведь для нас это прекрасное увеличительное стекло, через которое мы посмотрим на автора. И сразу поймем — это добротный бытоописательный критический реализм Глеба Успенского и Салтыкова-Щедрина. Замужние бабы, не блещущие умом, злые незамужние, мздоимцы чиновники. Ничего не изменилось на Руси за прошедшие полтора века, если, конечно, смотреть глазами автора. Здесь мы не найдем сатиры с элементами фантастики, как, скажем, у Синявского, нет психологических изысков Гоголя или Булгакова. Все это само по себе не плохо и не хорошо. Более того — это естественно. Синявский, например, очень не любил Салтыкова-Щедрина. Это только нормативная критика (уже и термин такой забылся) в советские времена предписывала автору, о чем и как писать, а о чем лучше промолчать.

Возвратимся к тексту. Увлекательно описывается война главного героя Прокофья с налогами и поборами, толкотня по чиновничьим кабинетам. И все это возникло вроде бы только в последние годы. Запомнил Прокофьич налоги на плодовые деревья, на пчел, на скот в пятидесятые годы. А ведь война тогда уже была далеко позади, и народное хозяйство было восстановлено. И само собой возникает в новелле слово «горбачевщина». «Народ сейчас, — рассуждает Прокофьич, — жестоковыйный пошел, бессердечный, люто всем и вся завидующий и очень мстительный».

* Алексей Яшин. Административный восторг, картинки с выставки: Роман-новеллино / Вместо предисловия: А. П. Чехов. Хамелеон: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2014.— 327с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

Да уж действительно, иметь бы элементарную благодарность М.С.Горбачеву за прекращение афганской войны, за спасенные жизни. Как-то автору этих строк довелось отдыхать на юге с молоденьким лейтенантом из Нижнего Новгорода. Он был всерьез убежден, что армия в Афганистане строила дороги и дома и, если бы не Горбачев, достроила она бы все, что хотела. Бедный мальчик! Я даже не стал его спрашивать, как, прожив в Нижнем Новгороде всю жизнь, он не удосужился заглянуть в музей А. Д. Сахарова, не задумался, какой ценой оплачены протесты против той войны. Ни Англия, ни наша страна, ни Америка ничего там не завоевали. А жизнью наших ребят мне жалко. В карельской глубинке видел я лица родственников, получавших похоронки. Кроме глубокого горя бросалась в глаза еще и растерянность, и непонимание — за что нам это. Глубоко запало мне в душу, не вытравить.

Да, видит Прокофьич, «человек за эти годы стал совершенно другим с форштевня до кормовой банки, как говорят флотские». И думают людишки, продолжает Прокофьич, «что твои труды и траты — это новомодные инвестиции во что-то им пока неведомое, но явно высокодолларовое». А у нашего генерального секретаря дошло до того, что пиццу пришлось рекламировать. Так и это лыко ему в строку поставили. Во многом можно винить Горбачева — и в нерешительности, и, порою, в топтании на месте, но у нас речь о другом, о том, чего у него никому не отнять.

Беседую с бывшим парторгом крупного предприятия. «А теперь ты бы вступил в наисправедливейшую компартию?» — спрашиваю его. «Нет, ни за что», — заверяет он. И вскоре, забыв этот разговор, доверительно сообщает: «А ты знаешь, Горбачев, оказывается, сознательно разрушал идеологию». Ну, освободили тебя от партсобраний, от блокнота агитатора, от всей этой мути, подступающей к горлу. Имей же хоть толику благодарности к тому, кто тебя освободил. Куда там! «Так ведь он же сдал агентов Штази», — сокрушается еще один обличитель. В современной Германии есть два музея позора. Один из них посвящен Штази, второй — Берлинской стене. Есть гильотина, работавшая аж в середине двадцатого века. Да и без нее каково это — стрелять в безоружных, все куда-то зачем-то бегущих людей, своих сограждан?

В новелле прекрасно показано превращение идеи в абсурд, расхождение живой жизни с партийным реноме (С. 141). Повествование обретает цельность, освобождается от ненужных деталей, когда автор описывает парторга, принимающего, не несет ли от собеседника парами алкоголя, или, еще того хуже, идеологической нестойкостью. И каноны партсобраний тех лет автору известны не понаслышке. (С. 75). На наш взгляд, эти страницы, равно как и злоключения Прокофьича, являются лучшими в романе.

«Надежда наша, шанс последний наш, ужели ты Россию им отдашь?» — писал В. Корнилов в те годы. Им — это подобным парторгам, чиновникам. Они ничего не забыли и ничего не простили. А уважающему себя человеку не пристало лепить ярлыки. Неизжитая партийность, как чирок на шее мешает человеку и обществу свободно двигать головой. Один уперся вправо и видит пятую колонну, другой смотрит влево и видит нацистов и тех, которых в романе зовут коммуныками. А общество — это все мы, без изъятия. Как мы распорядились плодами перестройки, открывшимися перспективами — это вопросы уже не к Горбачеву, а ко всем нам.

Во второй новелле на сцене появляется Игорь Васильевич. Этому предшествует воистину библейский зачин: Авраам родил Исаака и т.д. Не могу отказать себе в удовольствии привести его целиком. «У Веркиного мужа, то есть зятя Прокофьича, Витьки имелся старший брат. Витек был из многодетной семьи: сам он, ровесник Веры, готовился отпраздновать свое сорокалетие и являлся младшим в семье Скородумовых. А вот Игорь Васильевич самый старший, тоже только встретил шестидесятилетие». Игорь Васильевич, будучи научным работником (описание регалий в тек-

сте длиннее, нежели его родословная) видел, что образовалась огромная масса «скоропелых докторов наук». Будучи членом двух диссертационных советов он сам принимал в этом процессе участие, прикрывая свои тылы, как он, ничего не скрывая, признается, завкафедрами и деканатскими начальниками (С. 60). К сожалению, из текста не узнаешь активным или пассивным было его участие. Хорошо уже хотя бы то, что Игорь Васильевич не кивает по российской привычке на указания начальства. Так или иначе все защитились под его председательством, а то и вовсе руководством. «при невысоком научном, да и ином уровне докторских диссертаций». Содержание некоторых «напоминало дипломные и курсовые студенческие работы». Тут бы и впору сказать: «Ты сам виновник всех своих несчастий, смиряясь с тем, чего терпеть не должно». Или вспомнить нелюбимого Солженицына: «Если нас мало уважают, надо подумать, правильно ли мы живем». Но подобные размышления не омрачали чело Игоря Васильевича. Подоплеку всех возникающих претензий к нему он объяснял элементарной завистью к его научным достижениям и научным ничтожеством коллег. Не будем цитировать эти многостраничные раздумья. Герой, попав на больничную койку, не совсем верно различал состав этого, как он выразился, змеиного гнезда. Глаза ему застилал туман незаслуженной обиды и почти физического отвращения. Позвольте, но не до такой же степени, чтобы повествовать о толстомясых деканатских бабах (С. 74). Отец автора этой рецензии, тоже, кстати, профессор Сорокин Сергей Сергеевич, однажды и на всю жизнь сказал мне: «Никогда, запомни, никогда не используй в полемике в качестве аргумента физические недостатки оппонента».

Но где же наш автор, почему он устранился от повествования о змеином гнезде, идентифицировавшись с потрясенным героем? Не различаем мы, где в этом гнезде кобра, где королевский питон, а где несчастный суслик, которого угораздило сюда попасть? Может быть, материала недостаточно? Или творческая фантазия не разыгралась, не получилось проникнуть в души людей?

А повествование тем временем приобретает черты гротеска. Лететь на заработки в Америку разжалованному Игорю Васильевичу не с руки. Конечно, подложить бомбу в самолет «услужливые» коллеги не в силах, а подбросить полфунтика героина — это за милую душу. Главное — полфунта. Герой, видимо, понимает, что если подсут меньше, то американцы могут и не найти. А ведь говорил, говорил ему декан: «Да кому т-ты нужен!» Декан ошибался. Игорь Васильевич нам очень нужен. Это фигура интересная. Себе он представился могучим дубом на равнине. Из описания автора, не знаю в согласии с его волей или вопреки, но этого не ощущается.

Роман не хроника, но все же есть прототипы, а значит, чтобы соблюсти объективность, если говорить высоким стилем, и из любопытства, если низким, довелось мне не раз и не два бывать в описанном змеином гнезде. Так ведь ни одна змея не высказалась об Игоре Васильевиче плохо. И не захочешь, а сравнишь с тем, как он их честит. Сожалели о ситуации — да, не проявляли интереса к его трудам — да, а вот чтобы что-нибудь злокозненное из них вытянуть — это ни под каким видом. Сколько ни провоцировал — результат нулевой. Понимаю, впрочем, что я сам скатился к нормативной критике, пытаюсь вставить в роман то, чего в нем нет, но что очень хочется увидеть. Оправдание мое только в том, что любопытство — не порок.

Обидно Игорю Васильевичу, что его том с привлечением многозначной комплексной логики А. А. Зиновьева мало читают коллеги. Видимо, согласен он с тем, что А. А. Зиновьев во всеоружии своей логики написал: «Жизнь Брежнева будут изучать по дням, а Солженицына забудут». Неинтересна мне лично эта логика, если автор такое декларирует. Видимо у него вообще с логикой не в порядке. Ну, это уже мое глубоко личное, допускаю и другие мнения.

Обратимся, однако, еще к одной новелле. О главе области, выправившем себе

чин полковника и на все остальные департаменты, включая здравоохранение, образование и соцзащиту поставившем полковников. И даже директора объединения городских парков. А в водоканал, правда, только капитана, прежде командовавшего водолазами. И полковники-политотделы во всех колледжах — бывших училищах и техникумах... Очень интересно такое прочесть. Авторская сатира во всем своем блеске.

Но приостановимся ненадолго. Вот, например, Маяковский в своем творчестве не считал возможным подняться выше газеты. Но зачем же тогда литература? Ведь писатель — наставник других людей, если вспомнить классическую литературу. Антоша Чехонте стал Чеховым, когда, презрев стереотипы, замахнулся на «святое», показав в «Трех сестрах» каким уродливым может быть материнство, когда поехал на Сахалин.

А тут такая благодатная тема, подсказанная самой жизнью. Раскрой, что теряем мы в душах, пока вышагивают наши парады. Автор же пытается «простить и то, чего нельзя простить». Тетеря — такова фамилия главы области — «лишенный чувства фронтового братства», не вступает за «проштрафившегося в многомиллионной афере полковника». «Не только отрекся, но и уволил еще двух зарвавшихся полковников. И от других подобных отрекся и не вступился в защиту». Автор как бы намекает фамилией. Ну, Тетеря ты, глухая Тетеря, надо было разруливать ситуацию, может, и сам бы на губернаторстве остался. Такое вот понимание жизни, нравственный даже не уровень, а ровненок.

Еще раз повторюсь. Новелла — не газетный очерк. Фамилии людей изменены. Так какая вожака тебя сдерживает, пиши, вникай в души людские. Что же ты подобно гоголевской тройке проносишься мимо, так, что в глазах рябит. Не дает ответа автор. И может быть он прав. Пусть читатель додумает. Но по гамбургскому счету думать над текстом — это одно, а домысливать за автора — совсем другое.

Говорят, что дьявол кроется в деталях. Обратимся к ним. Автор очень не любит, когда собеседники в книге выражаются по-американски (С. 149). Зато уважает латынь. Читаем на первой странице про «выход префекта в городской районной управе (от лат. *Perfectum mobile*)» и сразу спотыкаемся. Во-первых, не *perfectum*, а *praefectus* и не проще ли — начальник. А может, автор имел в виду *perpetuum mobile*, то есть вечный двигатель. Но все равно концы с концами не сходятся. Мене такел фарес — декларирует Игорь Васильевич, что означает, по его мнению, дни твои сочтены, грехи подсчитаны (С. 172). Так и хочется воскликнуть: «Уважаемый дважды доктор, трижды профессор, это изречение переводится как «взвешен и найден слишком легким». Других переводов этого выражения я не встречал, да и смысл разнится. Задумайтесь об этом». Первый вариант для Игоря Васильевича, конечно, приятнее, но в таком случае это не перевод, а его собственная трактовка.

Задумаемся и мы. Может быть, автор просто проверяет нашу образованность, чтобы свиное рыло не лезло в калашный ряд. Ну что же, дальше попроще. Автор, конечно, не случайно пишет «сходу добился открытия» (С. 56), «подстать малосолнечным дням» (С. 75), ну различает же он, где наречие, а где предлог. Наверное, это своеобразный ЕГЭ по русскому языку для читателя. Автор всерьез убежден, что Аз — это означает русский (С. 115). Неясно в таком случае, как понимать эпиграф к Анне Карениной. Да все элементарно проще. От аз — первой буквы алфавита до я — последней буквы. Упомянутая в примечаниях к роману книга так и называется — Аз и Я.

Непонятно, кто такие античные вестовщицы (С. 217), разыскать таковых нам не удалось. Из текста романа ясно, что это не весталки. А как все же правильно — девять грамм (С. 215) или девять граммов, ну как тут не вспомнить песню Булата Окуджавы? Понятно, что русский мужик помыслит про сто грамм водки, а Окуджава про

девять граммов сами знаете чего. Контекст — великое дело. Вольно было классикам писать, как придется, а тут лауреату отдувайся за всех них. Даже будучи лауреатом 11 премий, как аттестован автор романа на обложке. А с другой стороны ногу сломишь с этим языком, когда на С. 74 встречаешь банку не шпрот, а шпротов. Тут уж без бутылки виски, лежащей рядом с банкой, никак не разобраться. Можно, конечно, списать все на корректора, который две лишние буквы добавил, да по своей ли воле, а то может и здесь не обошлось без какой-нибудь змеи? Но так мы далеко зайдем, а если серьезно, то книга просто изобилует опечатками, большинство из которых я просто не привожу. Работа корректора оценена мною очень низко. А если шире, то надо ли было отдавать важное дело корректуры в равнодушные руки, ликвидировав институт корректуры.

Автор бесстрашно вызывает читателя на размышления фразой «борьба с отрепьем российского человечества: пьющим, курящим» (С. 71). Поневоле долго будешь чесать затылок — отрепье это или отребье. Но это интересный неологизм, если только не очередная опечатка.

Зарубежье автор пишет с прописной буквы. На «Гэ-Вэ-Эр Гегеля» (С. 144) нашлись четыре прописные буквы. На слова бог и господь, поминаемые часто, заглавных букв не нашлось, зато Спаситель — это с большой буквы (С. 134), на всякий, видимо, пожарный случай. Рождество, кстати тоже с прописной буквы. Попробуем все-таки учитывать контекст. Но вот незадача, на С. 96 «видно господь бог опекает меня понемногу» и все-таки маленькая буква. Интересно, что на С. 208 появляется Антихрист с большой буквы и с этой же страницы и до конца романа Бог тоже пишется с большой буквы.

Дни у автора идут парами, вроде ботинок или перчаток. Недели кстати тоже (С. 199). Да даже академии и то парами. Понимаю институтскую привычку считать учебные часы парами. Это допустимо, поскольку это одно занятие, в которое уложилась пара часов. Но язык в этом случае сам протестует, педагоги так и говорят — пара, а не пара часов.

Интересен и контекст. Главный герой доверял отцу, в частности потому, что тот «появился на свет через пару дней после трусливого отречения Николашки Кровавого» (С. 54). А если бы за два дня до отречения, тогда что, доверия было бы меньше? И попутно — или уж Николашка, или Николай Кровавый. А Николашка Кровавый — такого больше нигде не встретишь. Так и просматривается через неприкрытое презрение героя его психический склад, отразившийся и в его последующих злоключениях. Очень интересно пишет автор в кульминации романа, отражая напряженность момента: «январь следующего наступающего нового года» (С. 75). Вообще, время в романе исчисляется по звездам, и не просто по звездам, а по звездам Брежнева. После второй звезды закрылась шахта (С. 9), после четвертой звезды возник джентльменский договор (С. 69).

Автор не в ладах с предложным падежом в словах этикетка и качество: «На наклеенной в правом нижнем углу торговой бумажной этикетки он увидел...» (С. 90). «Узнал о своей умственной неполноценности и других схожих качеств» (С. 197). Нет слова коммуняк, а есть слово коммуняка, как нет слова забияк, а есть слово забияка. Поэтому, если был ярым, то коммунякой, а не коммуняком как на С. 186. «Супруга Гена воспитывала двух дочерей» (С. 190). Мужа тоже звали Геной. И это не просто супруга, а супруга-казачка через дефис. Автор любит эти дефисы. У него Потемкин-Таврический (С. 187).

Создается впечатление, что читателям предлагают своеобразное испытание, а на последней странице все разъяснится и будут выставлены оценки за прилежание, усердие в чтении романа и знание народного языка.

Кроме русского языка роман требует от читателя осведомленности в литературе, своего рода еще один ЕГЭ. Приводится цитата из нелюбимого главным героем сочинителя Солженицына. Цитата эта, впрочем, из лагерного фольклора, а не сочинена автором и обнаруживается она не в «Одном дне», как считает герой, а в «Архипелаге». Ну, что делать, нелюбимый, он и есть нелюбимый, тут и не такое подмахнешь. То ли дело Николай Шпанов, которого герой читал, по его признанию, раз двадцать, не меньше. Так это же тот самый, который написал актуальный для героя роман «Поджигатели». Они, поджигатели, то дачу у героя грозятся поджечь, то героин подкинуть. Ну, вообще-то, это дело вкуса, кому нравится осетрина, а кому свиной хрящик. Хренком приправишь все, а вкус все равно разный.

Все могу понять, но, честное слово, не понимаю, когда на С. 16 Прокофьич сообщает, что уже двадцатый год подряд все обещают и обещают спустить со ступеней Северодвинска одну и ту же атомно-ракетную подлодку, а на 151 странице безымянный моряк и опять про Северодвинск, и про двадцать лет, и про единственную лодку. Дальше у Прокофьича — американцы ввели тридцать штук, у моряка — американцы тридцать штук соорудили. Интересно все-таки, моряк от Прокофьича услышал или сам из газет узнал. Оба, конечно, моряки и душа у них изболелась, но читателя тоже надо пожалеть или хотя бы уважать. «Жал-лаю опохмелиться! — встал моряк». Нам бы тоже остановиться и перевести дух. «Будем держаться до последнего, как героический Варяг, до последнего снаряда», до последней, стало быть, страницы добрались.

Будем же благодарны автору. Иную книгу прочитаешь и сказать о ней нечего, ну, к примеру, чтоб современников не обидеть, поинтересуйтесь книгами члена Союза писателей СССР Камила Яшена. Кстати тоже очень Солженицына не любил. За мрачность. Так ведь понурая свинка глубок корень роет.

«Не пиши на себя анонимки», — говорил мне парторг в прежние времена. А наш автор ничего не побоялся. Всего три новеллы из девяти разобрали, а мыслей — вагон. Вот этого у автора не отнимешь, это любому настоящему писателю можно пожелать.

От редакции. «Приокские зори» свято следуют традициям русской литературной журналистики, что идет еще от «Современника» А. С. Пушкина и «Отечественных записок» Н. А. Некрасова, а, значит, уделяют особое внимание отзывам и рецензиям на вновь выходящие книги, коль скоро те являются заметным вкладом в современный литературный процесс. Редакция журнала приветствует появление на его страницах рецензий и отзывов с качествами объективности.

При этом мы учитываем, что в русской литературной критике всегда были и есть два основных направления. Первое идет от Белинского (вспомните его великолепные статьи о творчестве Пушкина — целый том статей!) — это конструктивная доброжелательная критика. Второе — от Добролюбова и писателей разночинцев, «резких» критиков. — Все это от специфики их бурсацко-семинарского воспитания. Как в наше время говорят: нет более ярых борцов с винопитием и табакокурением (при всей их вредности, конечно), нежели бывшие любители зеленого змия и травки-никотианы. Но — это все к слову.

Мы как-то привыкли, что рецензии и отзывы в «толстые журналы» пишут по преимуществу профессиональные критики или литераторы, стремящиеся к такому статусу; главное — те и другие смотрят на автора рецензируемого произведения как на коллегу... по счастью или по несчастью, что, впрочем, неважно.

...Иное дело — «взгляд со стороны», как в данном случае: отзыв пишет читатель. Это намного интереснее и для автора произведения, и для журнала, и для его читателей. Во-первых, «жив курилка!» (это из «Кола Брюньона») — то есть остался-таки ныне редкостный подвид homo sapiens — читатель! Во-вторых, еще интереснее слышать или читать мнение о произведении читателя того же профессионального звания, что и герои произведения. Действительно, в книге события происходят в среде вузовских преподавателей, а автор отзыва тоже профессиональный «препод», как сейчас непочтительно говорят студенты. Более того, Александр

Сорокин — потомственный работник высшей школы; он сам указывает: отец его был профессором вуза. А всякий рыбак рыбака видит издалека, и могут они до тонкостей обсудить тему ловли язей в мутной воде... то есть роли администрации в деле интенсификации учебного процесса в университете.

И, вообще говоря, дело второстепенное, что главный персонаж «Административного восторга» и рецензент этой книги порой диаметрально противоположны в своих отношениях к делам, событиям и личностям былых и нынешних дней истории нашей страны. Главное — писатель пишет, а читатель читает; перефразируем известное и несколько легкомысленное... Здесь наиболее важен другой момент: рецензент опять же не профессиональный литератор, но профессиональный педагог, а это каста настолько своеобразная, что понять ее сущность и мироощущение «посторонний» вряд ли сможет.

Отсюда и их, педагогов, пресловутая сверхтолерантность и наглухо «замкнутые души»; как в старой лагерной песне: «У начальника Березкина что за гонор, что за понт, и душа крестнакрест досками...» Рецензент видит — и слишком прямолинейно — основу несчастий главного героя книги в зависти коллег, но как-то мимоходом, скороговоркой это произносит. Но зависть — очень сильное чувство — прочтите «Зависть» Юрия Олеши. Там все сказано.

...Чтобы редакционное примечание не превратилось в «рецензию на рецензию», закруглимся, только упомянув многочисленные «грамматические» пометы автора отзыва. Это, во-первых, от профессиональной педагогической дотошности; во-вторых, от хорошей грамотности рецензента, но вот в-третьих... он не литератор и не знает, что писатель имеет право и на свой, своеобразный язык, порой даже не вписывающийся в строгие грамматические нормы. Опять же сейчас исчез институт корректоров, а автор, сколько ни корректируй свое произведение — все одно толку не будет. Это давно уже подмечено классиками: себя грамматически точно не прочтешь, ибо мысли автора совсем о другом...

Редакция «Приокских зорь» благодарит Александра Сергеевича Сорокина за содержательный, своеобразный отзыв.

СЛОВО — ДУША НАРОДА

(интервью по просьбе читателей)

Леонид Васильевич Ханбеков — президент Академии российской литературы, член Союза писателей СССР и России, руководитель Творческого клуба «Московский Парнас», человек, открывший многим авторам пути в литературу. Сегодня он делится своими мыслями и планами с читателями «Приокских зорь»...*

Л. В.— Так уж случилось, что общественная Академия российской литературы — небольшая, скромная, однако целеустремленная и работающая организация, возникшая в пору всеобщего культурного и хозяйственного разброда и разлома, все больше и больше привлекает к себе внимание литераторов, живущих и работающих не только в Москве и Подмосковье, что естественно, но и в дальних российских городах и весях, а то и за рубежом. Живет, не имея ни государственных грантов, ни спонсорных вливаний, как иные от Газпрома и Транснефти, а лишь объединяя усилия самих литераторов. Живет, опираясь на товарищескую складчину, на самоокупаемость каждой из задуманных и выпущенных книг. Живет, не жалея ни сил, ни времени на информирование о своих идеях столичных и провинциальных литераторов и любителей литературы. Без малого десять лет предоставленная самой себе, Академия сумела осуществить выпуск почти двадцати томов антологий современной литературы.

Н. В.— Леонид Васильевич! Может быть, в порядке исключения, мы нарушим все правила ведения интервью и приведем список членов Академии, а затем, в процессе разговора, если возникнет такая необходимость, коснемся важных мыслей о творческом лице, почерке, личности кого-то из членов Академии, руководителей коллегий, членов правления?

Л. В.— С радостью. Думаю, это давно надо было сделать, так как на обложке журнала «Приокские зори» бренд Академии, а в составе редсовета несколько ее членов. До своей безвременной кончины в нее входил и первый президент Академии известный прозаик Владимир Мирнев.

Н. В.— Расскажите, пожалуйста, о сотрудничестве альманаха «Московский Парнас» с Академией российской литературы.

Л. В.— Читатели «Московского Парнаса» заметили нашу постоянную рубрику «Книжная полка», где мы сообщаем о новых книгах членов Академии российской литературы, а затем, как правило, публикуем и рецензии на эти издания. Практически в каждом выпуске альманаха, в дружественных нам изданиях, круг которых медленно, но неуклонно расширяется, появляются отклики, рецензии, статьи.

Н. В.— А какие издания Вы могли бы отнести к числу дружественных на данный момент?

Л. В.— Прежде всего, безусловно, те, в которых трудятся члены нашей Акаде-

* Состав Академии и ее структура были опубликованы в № 3, 2014 «ПЗ».

мии. Газета «Слово», которую боевито и страстно ведет член правления публицист Виктор Линник, «Независимая газета», где работает поэт и опытный журналист Виктор Широков, «Советская Россия» — в ней сотрудничает обозреватель, прозаик Евгений Бузни; два красноярских издания — журнал «Енисей» и альманах «Новый енисейский литератор», в редакционных советах и коллегиях которых состоят около десяти членов нашей Академии — прозаики и поэты: Тамара Булевич, Алексей Мещеряков, Виталий Пшеничников, Галина Дубинина, Алексей Третьяков, Виктор Ермаков... Замечу, добротный рецензионно-критический отдел в «Приокских зорях». К нам в «Московский Парнас» и в Академию долетают отзывы на выступления Алексея Корнева, Виктора Кашкина, Ирины Кедровой... Весьма благодарны мы и быстрым откликам газеты «Московский литератор», в котором сразу три заметных публикации в связи с новыми книгами членов Академии — поэтов Анатолия Ковалева, Нины Поповой, Бориса Рябухина... На мой взгляд, это лучшее доказательство того, что Академия российской литературы — живой, пульсирующий организм.

Н. В.— Какие вопросы намечаете Вы для обсуждения на «круглых столах, рабочих встречах членов Академии?

Л. В.— Из оперативных, рабочих — обсуждение новых выпусков антологий современной литературы — восьмого тома антологии поэзии «Созвучье слов живых», третьего выпуска Антологии детской литературы «За горами, за долами» и лишь второго выпуска Антологии критики и литературоведения «Поле битвы — людские сердца»... Жизнь, как всегда, преподносит разные сюрпризы. Мы намеревались уже в конце февраля устроить нечто вроде презентации двух очередных выпусков антологий — поэзии и критики. Обсуждение этих изданий, по моему мнению, должно было показать остальным коллегиям — прозы, публицистики, драматургии, сатиры и юмора, что не боги горшки обжигают. В нынешнее время, очень нелегкое для российской литературы, ориентированной на исконно народные нравственные ценности, все-таки можно собраться с силами и средствами и осуществить эти, так сказать, не модные, не рыночные, но убежден, крайне необходимые издания. Они нужны нынешнему преподавателю литературы для ориентирования старшеклассников и студентов гуманитарных вузов в море современной отечественной словесности. Но так случилось, что тираж 8-го выпуска «Созвучья слов живых» ушел, а молодые руководители коллегии поэзии Борис Рябухин и Юрий Богданов не смогли, как должно, воспользоваться ситуацией и, уже с публикой, обсудить возможный состав авторов следующего тома. А обсуждение второй книги Антологии критики и литературоведения пришлось отложить на несколько месяцев, так как скоростно скончался критик Леонид Молчанов, недавно утвержденный в должности руководителя соответствующей коллегии.

Н. В.— Да, это скорбная весть для всех членов Академии и «Московского Парнаса»...

Леонид Васильевич, на одном из собраний Академии зашел разговор о создании ее филиалов в некоторых регионах страны. Есть ли уже осязаемые результаты?

Л. В.— Дело, как Вы понимаете, архисложное, тем более, сейчас, когда бывшие отделения Союза писателей России в иных областях рассыпались на две-три, а то и более, группы или ячейки, часто соперничающие, а то и враждующие друг с другом. Областные отделы культуры, имевшие возможность как-то поддерживать писательские организации, выплачивая аренду помещений, выделяя пусть и незначительные средства на издание литературных журналов и газет, сейчас столкнулись с этой разобщенностью, мелочным соперничеством — и вовсе отказали им в поддержке. Но в уцелевших, достаточно крепких, давно сложившихся писательских организациях, в составе которых оказалось на данный момент по 4-5 членов Академии, мы надеемся сформировать и утвердить такие филиалы. Прежде всего, речь идет о дружественных нам сообществах, объединенных вокруг изданий журналов и альманахов.

Н. В.— Где именно существуют такие союзы?

Л. В.— Во многих городах и регионах России и за ее пределами. К примеру, в Туле и Красноярске, на Алтае и в Сургуте, в Краснодаре и Новосибирске, а также в Болгарии, в Варне.

Н. В.— Всегда ли взаимодействие Академии и «Московского Парнаса» с другими аналогичными организациями происходит в направлении позитива? Помнится, на одном из общих собраний, в конце октября прошлого года, прозвучала реплика члена Академии, мол, он уже не раз замечал, как у изданий Академии и альманаха «Московский Парнас», который с завидной регулярностью выходит свыше 10 лет, «поворачивают» рубрики, названия серий, творческие приемы... Было сказано, что надо бы как-то оградить названные издания от любителей поживиться литературными находками. Вы тогда отшутились. Цитирую: «Пусть воруют! Это всего лишь означает, что к нам приковано внимание литературных новичков. А читатель, пусть и не сразу, разберется, чей тут приоритет!»

Л. В.— Я отшутился, но и готов порассуждать об этом серьезно. Нам приятно, что вслед за «Московским Парнасом», которому, кстати, без малого двенадцать лет, появился в Подмосковье «Одинцовский Парнас». Не могу сказать, насколько регулярно он выходит, так как новый альманах пока не предлагает нам взаимобмена. А недавно в «Литературной газете» прочел интервью редактора «Пражского Парнаса», о выпуске уже трех сборников. Это, конечно, радует. Но совсем иные чувства мы испытываем, когда одна из партий чуждого нам политического направления именуется «Парнас». Подобная эксплуатация названия заставляет нас негодовать, так как иной читатель может решить, что наши авторы имеют к площадным акциям Немцова какое-то отношение.

Н. В.— Я убеждена, — вдумчивый, интересующийся читатель не ошибется. Примите искренние пожелания дальнейших успехов Академии и альманаху «Московский Парнас», терпения и творческого вдохновения всем авторам. Вам лично, Леонид Васильевич, здоровья и литературного долголетия. Большое спасибо за то, что уделили нам время.

*Беседу провела Наталья Валентинова,
внештатный корреспондент
журнала «Приокские зори»*